

АРТЕФАКТ

&

ДЕТЕКТИВ

Она не была ни
красива, ни умна, ни
родовита, она не стала
ни самой талантливой,
ни самой счастливой.
Великая грешница, она
только и сумела, как
сапфир, отразить чужие
грехи и унести их с
собой...

Елена АРСЕНЬЕВА

Мудрая змея Матильды Кшесинской

Артефакт & Детектив

Елена Арсеньева

**Мудрая змея
Матильды Кшесинской**

«Автор»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Арсеньева Е. А.

Мудрая змея Матильды Кшесинской / Е. А. Арсеньева —
«Автор», 2017 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-04-004517-4

Коварная и простодушная, оболганная и непобежденная Матильда Кшесинская прожила очень долгую жизнь. В этой жизни нашлось место не только для блестящих авантюр и ярких ролей. Горек эмигрантский хлеб, тяжела старость первой любовницы России в оккупированном Париже – но как соблазнительно распутывать эту жизнь день за днем, какие сокровища и тайны она скрывает!.. Книга также издавалась под названием "Да, Матильда!"

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-004517-4

© Арсеньева Е. А., 2017
© Автор, 2017

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

36

Елена Арсеньева

Мудрая змея Матильды Кшесинской

© Арсеньева Е. А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

*Дети растут,
Мужья стареют,
Одни мы – красавицы.*

Прописная женская истина

Париж, наши дни

В жизни иногда случаются такие совпадения, что просто не верится в их правдоподобие. В том смысле, что тебе приходилось, конечно, наступать на одни и те же грабли, но когда на них снова и снова наступает твоя судьба – это уже как-то чересчур.

Судьба совершила такую оплошность в городе Париже, на рю де Валанс, в доме номер девять, где находится русская библиотека имени Тургенева. Писательница Алена Дмитриева (а наша героиня именно писательница, не бог весть какая знаменитая, но и не из последних) отнесла в библиотеку свои новые детективы, которые специально для этого привезла из России (все-таки здорово, когда тебя читают во Франции, пусть даже читатели – русские), положила в сумку давно разыскиваемую книгу «Воспоминания об М.К.», простилась с милыми, пусть и несколько замшелыми дамами-библиотекаршами, вышла на площадку и ткнула пальцем в кнопку лифта, чтобы спуститься.

Кто-то, пожалуй, сочтет это смешным – как-никак библиотека на первом этаже. Но, как известно, первый этаж в заграничных домах соответствует нашему второму, а то, что мы называем первым, иначе говоря, самый нижний, во Франции именуют rez-de-chaussée – «на уровне мостовой». Конечно, спуститься этажом ниже нетрудно, но уж больно крутой и неудобной была винтовая лестница. Вдобавок на ней никогда не горел свет. В довершение всего с этой лестницей у писательницы Дмитриевой были связаны не самые приятные воспоминания.

Алена нажала на кнопку вызова лифта раз, другой и третий, рассеянно прислушиваясь к раздраженным мужским голосам в соседней с библиотекой квартире (русская библиотека обитала в самом обычном жилом доме). Старый усталый лифт не отозвался, и, вздохнув, наша героиня двинулась вниз. Спускалась она согнувшись, чтобы лучше видеть полустертые ступеньки. Осторожно нащупывала их ногами, цепляясь за стеночку и перила, и даже успела откровенно порадоваться, что ее, дерзкую красотку, отъявленную сердцедку, завзятую авантюристку, страстную обожательницу аргентинского танго (лучшего в мире танца!), никто не видит в такой унижительной и, прямо скажем, старушечьей позе.

Вдруг наверху раздался грохот распахнувшейся двери, злобный голос что-то крикнул на непонятном языке, а потом по лестнице с шумом прокатилось чье-то тяжелое тело, сбило с ног Алену и вместе с ней свалилось на площадку нижнего этажа. Вот тут-то наша писательница и подумала о невероятных совпадениях и граблях, на которые гораздо наступать наша судьба.

Штука в том, что Алену с этой винтовой библиотечной лестницы уже сталкивали!¹ Тогда она только чудом не переломала колени, хотя натерпелась боли и даже какое-то время носила жутко неудобную шину, из-за которой вынуждена была передвигаться в точности как колченогий и обаятельный Жоффрей де Пейрак из серии французских фильмов про Анжелику. Правда, в прошлый раз Алену столкнули нарочно, а сейчас нечаянно. И сегодня ей больше повезло: она не ткнулась коленями в каменный пол, а свалилась на того, кто ее сбил, так что и колени, и голова, и локти, и прочие части писательского тела остались невредимы. Кроме того, в первый раз ее столкнула женщина, а сейчас мужчина. Однако ни та, ни другой и не подумали попросить прощения!

Этот мужчина вроде тоже не пострадал, если судить по скорости, с которой он подскочил, стряхнув с себя Алену, словно какую-то докучливую муху, и вылетел на улицу. Все, что успела заметить Алена, – это его красная футболка. А еще до нее долетел сильный запах парфюма, настолько приторно-сладкого, что он больше подошел бы женщине, чем такому широкоплечему и вполне маскулинному мужчине.

– Ну и ну! – ошеломленно выдохнула она, поднимаясь и собирая в сумку выпавшие мелочи дамской жизни, как-то: библиотечную книжку, очки (мартышка в возрасте слаба глазами стала), блокнот и ручку (какой же писатель без блокнота и ручки?), мобильный телефон, косметичку, кошелек и брелок со связкой ключей от квартиры Мориса и Марины Детур, лучших Алениных друзей, у которых она жила в Париже.

На всякий случай она включила фонарик в телефоне и осветила вокруг, чтобы ничего из разлетевшегося имущества не упустить. И пожалуйста – в дальнем углу под лестницей что-то блеснуло. Пришлось лезть туда и доставать небольшой ключ – очень простая головка в виде плоского кольца, стальной гладкий стержень и чрезвычайно затейливая борода.

Алена только начала выбираться из-под лестницы, как вдруг наверху снова загрохотала дверь, потом послышались торопливые шаги, вернее, прыжки по ступенькам, и мимо нее промчался мужчина в черной рубашке. Этот выскочил на улицу так же стремительно, как и первый. Кроме черной рубашки Алена успела разглядеть его коротко стриженную темноволосую голову, а больше ничего.

Наша героиня только-только выбралась из-под лестницы, как этот мужчина снова ворвался в подъезд. На лице его была ярость. Набывчившись, он сверкнул на Алену глазами и помчался наверх. Дверь этажом выше предсказуемо грохнула – на сей раз закрылась.

Алена взглянула в зеркальце, убедилась, что ее сияющая внешность в небольшой катастрофе не пострадала, и пошла к двери, гадая, что делать с найденным ключом. На стене висели в ряд почтовые ящики с табличками и фамилиями жильцов. Подумав, Алена опустила ключик в ящик библиотеки. Милые дамы станут проверять почту, найдут ключ и сами решат, как с ним поступить. Алена Дмитриева сделала свое дело – кто может, пусть сделает лучше.

Она вышла из подъезда и приостановилась, размышляя, какой дорогой вернуться домой.

Вариантов было три. Самый простой – повернуть направо, под виадук, выйти на проспект Гобелен и там сесть на метро – Алена отвергла сразу: хотелось прогуляться по любимому городу пешком. Она решила пойти через бульвар Араго, бульвар Монпарнас, бульвар Распай, улицу Вожирар до Люксембургского сада, а потом совершить променады по бульвару Сен-Мишель, набережным Сены и авеню Опера.

Предвкушая это удовольствие, она повернула за угол и чуть не столкнулась нос к носу с человеком в красной футболке. За ним тянулся шлейф такого сладкого аромата, что наша героиня мигом узнала и футболку, и того, кто сбил ее с лестницы и даже не подумал принести извинения.

¹ Читайте об этом в романе Елены Арсеньевой «На все четыре стороны».

Алена повернула назад и пошла за ним. Может, хотела выбить это извинение у него силой. Может...

Она не успела понять, зачем это делает. Зато успела увидеть, как человек в красной футболке замер, не дойдя до двери подъезда, странно крутнулся вокруг своей оси, а потом вытянулся и рухнул навзничь, тяжело стукнувшись головой о каменный бордюр тротуара. Руки и ноги его нелепо задергались.

Конечно, Алена Дмитриева в жизни пережила немало приключений, но все-таки осталась обыкновенной слабой женщиной, а потому ее поразил самый натуральный столбняк. Мгновенно вокруг собрались испуганные прохожие, а из подъезда выскочил человек в черной рубашке, склонился над лежащим и принялся искать его пульс то на горле, то на запястье, то почему-то на животе.

Собравшиеся французы куда-то суетливо звонили, наверное, вызывали «Скорую», и, кажется, никто, кроме Алены, не замечал, что человек в черной рубашке не столько щупает пульс, сколько обшаривает карманы этого, с приторным парфюмом, лежащего на земле.

Стоило Алене об этом подумать, как темноволосый поднял голову и посмотрел ей прямо в глаза. Что-то настороженное и даже угрожающее мелькнуло в его взгляде... Алена отпрянула за угол – и ринулась наутек со всей скоростью, на какую только была способна. Более или менее она успокоилась только около Люксембургского сада, в этом невыносимо прекрасном уголке Парижа.

Какое счастье снова оказаться в этом городе! А завтра она поедет в Бургундию! И в сумке лежит книжка, прочесть которую она так давно мечтала!

Мужчины в красных футболках и черных рубашках были благополучно забыты.

«Из воспоминаний об М.К.»

Мы познакомились с М.К. в декабре 1939 года в вагоне поезда, которым ехали из Парижа в Ле Везине. Впрочем, я заметила ее еще в метро по пути на вокзал и постаралась попасть в тот же вагон, а потом села на жесткое деревянное сиденье напротив. Она не обратила на меня внимания – сразу задремала, опустив на глаза поля мягкой шляпы, скрывая свое усталое лицо и слипающиеся глаза. Путь из Ле Везине до Парижа и обратно сделался теперь утомительным. Жители этого уютного пригорода прежде ездили в столицу на собственных автомобилях. Однако времена настали тяжелые, бензин сделался баснословно дорог, и хотя поезда постоянно опаздывали, в вагонах было холодно, а на платформах и улицах в ту непривычно студеную зиму наметало сугробы, приходилось пользоваться тем единственным транспортом, который был нам доступен.

Выбирать не приходилось – шла так называемая *drôle de guerre*, «странная война». Моя приятельница Нина Кривошеина называла ее «чуждой войной». Вообще-то слово *drôle* можно перевести как «смешная», но это время никто, даже Чарли Чаплин, не назвал бы смешным. Гитлеровцы стояли на границах Франции, иногда шли небольшие бои, правительство надеялось невесть на что, а в это время фашисты отменно подготовились к вторжению.

В Париже стало мрачно. В городе света погасли огни реклам, уличные фонари были зачехлены. Патрули по ночам проверяли светомаскировку.

Все было переведено на военное положение; то и дело гудели сирены, приучая население к разным сигналам тревогам. Почти прекратилось движение автобусов, да и поезда метро стали ходить реже. Власти предупредили, что следует ожидать военных налетов и бомбардировок удушливыми газами. Советовали купить в магазинах полосы синей бумаги и заклеить крест-накрест окна, чтобы не вылетели, а главное – обзавестись противогазными масками. Купить их было непросто, еще труднее оказалось научиться ими пользоваться. Без движения дышать в них было возможно, а при ходьбе все задыхались. Домашних животных советовали сажать в ведра и покрывать мокрыми тряпками. Вообще же населению было рекомендовано покинуть

столицу, именно поэтому число жителей в пригородах, вот и в нашем Ле Везине, так резко возросло.

Не могу сказать, что здесь было совершенно спокойно. Иногда на рассвете гудели сирены, все быстро одевались и спускались в погреба, где просиживали часами. Бомбы не падали, и после отбоя все снова шли досыпать. Постепенно к тревогам привыкли.

Вообще беспечные французы привыкали к «странной войне» слишком быстро и надеялись, что этими тревогами все ограничится. Ох уж эти галльские петухи, помахивающие крыльями и готовые заклевать бронированную машину рейха! Они еще ничего не теряли, они не пережили крушение империи, как мы, русские, не так давно лишившиеся родины.

Очень многие из моих соотечественников почувствовали неладное, ждали беды и пытались обезопасить себя как могли. Дамы вроде меня, которые раньше предавались безделью, рассчитывая на сбережения мужа, или на накопления в банке, или на вывезенные из России и еще не до конца распроданные драгоценности, вдруг засуетились и бросились искать работу, пусть даже самую непрезентабельную, лишь бы хоть как-то укрепить бюджет и получить дополнительные талоны на питание. Мне повезло устроиться счетоводом при одном русском модном доме, который еще действовал. Да, разорились знаменитые «Ирфе», «Ланвен», канул в Лету «Китмир» великой княгини Марии Павловны-младшей, а скромный дом белья Ольги Александровны Хитрово если и не процветал, то по крайней мере держался на плаву².

В «Хитрово» обшивали многих наших бывших соотечественниц, ценивших недорогое и удобное белье, и именно там я несколько дней назад увидела особу, которая сейчас сидела напротив. Эта изящная, не слишком красивая и уже весьма немолодая дама, светлейшая княгиня Матильда Романовская-Красинская³, была известна в нашем эмигрантском мире не меньше Феликса и Ирины Юсуповых. Супруги, правда, пользовались более скандальной славой как убийцы Распутина (да-да, в нашей среде поговаривали, что именно Ирина заманила его в тот роковой вечер во дворец на Мойке, где ее супруг и расправился с этим демоном в образе человеческого) и принадлежали к царской семье; ну а М.К. была любовницей последнего императора во времена, когда он был совсем молод, а она служила балериной Императорских театров.

Об этом знали все, вся Россия когда-то об этом судачила, однако вот странность – чем дальше уходят в прошлое те события, тем упорнее облик императора Николая Александровича приобретает ореол если не святости, то уж, конечно, полной безгрешности.

Спору нет, мученическая кончина государя, государыни и невинных детей (царство им небесное, несчастным, и вечная память) словно бы смыла с их имен сальное пятно – говорю о слепом доверии Распутину, так много им повредившем. Никто не сомневался, что эта смерть очистила и освятила их. Теперь императору прощали и ужасную давку на Ходынке, и то, что они с императрицей отправились на бал к французскому послу, ведь иначе завяли бы розы, специально выписанные из Парижа, – поехали, несмотря на то, что торжества по случаю коронации стоили жизни почти полутора тысячам человек, а чуть не тысяча остались покалеченными. Бывшему императору простили поражение в русско-японской войне, простили 9 января 1905 года, за которое его прозвали Кровавым. Простили упорное нежелание содействовать прогрессу, страх перед интеллигенцией, позорное отречение на станции Дно... За мученическую смерть ему простили все, забыв, что он был при жизни не святым, а обыкновенным человеком со многими недостатками, который упивался собственной простотой и предал, да-да, предал традиции венценосного рода Романовых.

Помню, как меня в самое сердце поразило безволие императора. Это ведь он, Николай, оставил Россию без царя, которому поклонялся, в которого верил народ – и без которого этот

² Модный дом «Хитрово» закрылся только в 1953 году.

³ Этот титул Матильда Кшесинская получила в 1936 году.

народ совершенно обезумел. Я убеждена, что, как это ни печально звучит, Николай Романов сам вырыл яму себе и своей семье. Словом, положила руку на сердце, я совсем не готова была разделить возмущение наших ханжей, шепчущих, что в далекой юности М.К. была его любовницей.

Напротив, меня это чрезвычайно интриговало!

Конечно, тогда, в России, я была всего лишь двенадцатилетней девочкой, которой посчастливилось попасть на последний бенефис М.К., когда она танцевала в Мариинском из «Лебединого озера» – ту самую сцену, в которой Одетта медленно удаляется, изящно трепеща руками, словно прощается; и это в самом деле было ее прощальное выступление. Мне, восхищенной, казалось, что я далека от нее, как от сияющей ночной звезды, и это действительно было так.

Однако сейчас мы обе были эмигрантками, обе снимали дома в Ле Везине, потому что опасались оставаться в холодном, нетопленном Париже – мы ездили туда только на работу. Я, как и было сказано, в контору дома «Хитрово», М.К. же, как я слышала, снова открыла свою балетную школу там же, где жила, – на Вилла Молитор в квартале Пасси, шестнадцатый арондисман⁴. Мы обе трудились, мы как бы сделались равными, несмотря на ее титул светлейшей княгини (всем известны русские князья – шоферы такси и графы-швейцары), и именно это позволило мне подсесть к М.К., поймать ее взгляд и улыбнуться в ответ на ее улыбку.

– Я видела вас в Ле Визене, – сказала она приветливо. – Мы, кажется, соседи. Вы ведь тоже живете на Вилла Ламбер?

Я подтвердила, мы обе сошлись в любви к этой и в самом деле прелестной улице, где все дома стоят особняком, окруженные небольшими парками, впрочем, весь Ле Везине таков. Познакомились. Разговор, конечно, сразу зашел о войне, о том, что нас может ожидать, что мы уже пережили. М.К. рассказала, какой ужас испытала, когда узнала о войне. Тогда никто не ждал, что она окажется «странной»! М.К., ее муж, великий князь Андрей Владимирович, их сын Владимир Романовский-Красинский, которого все звали на французский манер Вовб, тогда только завершили курс лечения в Экс-ле-Бен. Надышались горным воздухом, накупились в богатых серой и йодом горячих источниках и перекочевали на очередной курорт со знаменитой водолечебницей – в Эвиан. Поселились в богатом особняке на берегу Женевского озера. Гуляли, загорали, пили лечебную воду. Осматривали окрестности, несколько дней провели в Берне – и вдруг экстренное радиосообщение: немцы не сегодня завтра пересекут польскую границу. По словам М.К., паника на женевском вокзале была невообразимой, поезда брали с боем. Ехали в переполненном вагоне, сидели на полке по очереди – один сидит, двое стоят. Потом, уже из Парижа, погрузив на два таксомотора чемоданы, собачку, кошку и клетки с канарейками, отбыли в Ле Везине.

В ответ я призналась, что наше с мужем (мой супруг Феликс Серпан был тем, что здесь называют рантье) существование вполне безбедно, однако меня не оставляет тревога, хочется, так сказать, подстелить соломку на случай, если наше благополучие вдруг пошатнется, и муж мне в этом не препятствует, будучи, против обыкновения французов, сторонником женской эмансипации.

– Что ж, он в самом деле мудр, как змея⁵, – засмеялась М.К. – Знаете, у меня тоже есть своя мудрая змея. Так я называю одну брошь – великолепную бриллиантовую брошь с сапфиром. Я ее не очень люблю, но очень ею дорожу. Возможно, я когда-нибудь расскажу вам почему.

Сама не пойму, чем я вызвала ее доверие, но все именно так и случилось – со временем она рассказала мне и о своей мудрой змее, и о многом другом.

⁴ Арондисман (arrondissement) – муниципальный округ в Париже. Нумерация округов идет по спирали по часовой стрелке от первого округа в центре на правом (северном) берегу Сены. Всего таких округов двадцать, и каждый еще разделен на четыре квартала (quartier).

⁵ Serpent – змея (франц.).

Париж, наши дни

– Тебе придется открыть ему чердак и отдать картины, – сказал Морис. – И все. И больше ничего! Остальное время ты будешь совершенно свободна. Думаю, дольше чем на три дня мы в Туре не задержимся, так что тебе недолго придется оставаться в одиночестве.

– Задерживайтесь сколько угодно! – расплылась в улыбке Алена. – Пожить одной в Муляне – моя заветная мечта.

– И ты не боишься привидений? – лукаво поинтересовалась Лиза, старшая дочь Мориса и Марины. – Ты не забыла, что там с одной стороны кладбище, а с другой – сгоревший дом, в котором до сих пор бродит призрак хозяйки?

– Я просто мечтаю встретиться хоть с одним привидением, – жизнерадостно ответила Алена. – Вы с Танечкой обычно поднимаете такой шум-гам, что они и на шаг к дому боятся приблизиться. А когда я буду одна, всякое может случиться. И тогда я начну писать не только детективы, но и ужастики, чего мне ужасно хочется!

– Отлично! – закричала Лиза. – Мы с Танькой обожаем ужастики! Обязательно встретиться до нашего приезда с парочкой-троечкой привидений, договорились?

– Договорились, – кивнула Алена и отправилась собирать вещи, чтобы ехать в Мулян.

Мулян – небольшая деревня, можно сказать, деревушка в Бургундии. В семнадцати километрах от нее находится город Тоннер, знаменитый прежде всего тем, что там появился на свет блистательный французский шпион – шевалье Д’Эон, которого звали не то Шарль де Бомон, не то Лия де Бомон. В образе Лии он едва не ввел в грех французского короля Людовика XV, а в образе Шарля соблазнил императрицу Елизавету Петровну, что среди прочего очень способствовало расстройству русско-австрийского и укреплению русско-французского альянса. В Тоннере до сих пор имеется родовое шато Д’Эона, которое может посетить любой желающий. Иногда там устраивают свои гульбища французские трансвеститы, изрядно скандализируя мирных обывателей.

Еще тоннерцы гордятся сооруженным в галло-римские времена неиссякаемым водоемом Фосс Дион, глубину которого невозможно измерить, а также городской больницей XIII века, основанной королевой Маргарит Бургундской. Однако Алена воспринимала этот милый городок лишь как пересадочный пункт на пути к обожаемому Муляну, в котором пережила множество приключений, запечатленных в ее детективах. Уже сегодня вечером она окажется там снова!

Обычно Алена приезжала в Мулян вместе с семейством Детур, уместившись на заднем сиденье автомобиля между Лизой, Таней и горой сумок (путешествовать Детур любили на старинный манер – со чады, домочадцы и всем скарбом). Однако на сей раз нашей героине предстояло добираться самостоятельно. В Туре заболела матушка Мориса, семейство должно было срочно ее навестить и определиться, стоит ли класть старшую мадам Детур в больницу, а между тем в мулянском доме завтра обязательно, всенепременно кто-то должен присутствовать, чтобы совершить сделку с брокантом.

Брокант (*brocante*) – это торговец антиквариатом. Во Франции в это понятие входит самый разнообразный ассортимент – от весьма изысканной посуды, украшений, картин в тяжелых рамах или без оных, старинной мебели и статуэток до сапог и башмаков, стоптанных во времена Столетней войны. Это и ночные горшки, которыми некогда пользовались обитательницы замков на Луаре, и разошедшиеся деревянные ведра, с какими ходила по воду, быть может, сама Николетт, героиня средневековой повести, и до утка и основы протертые ковры, и всякая прочая дребедень, которую французы хранят бережно и трогательно, каждому предмету отыскивая место в истории своей фамилии.

Удивительно, что не только произведения искусства, но даже совершенная, не побоимся этого слова, рухлядь рано или поздно находит своего покупателя. Обеспечивают это броканты

– те самые антиквары. Они и покупают, и продают – другим антикварам и самым обычным людям. Совершенно не исключено, что эти обычные люди совсем скоро не продадут только что купленную вещь очередному броканту. Вот такой круговорот антиквариата в природе. У каждого торговца имеется склад, куда приезжают покупатели. А еще в Париже и в провинциальных городах как минимум раз в неделю проходят ярмарки антиквариата, которые тоже называются брокантами.

Иногда торговцы везут свой антиквариат на вид-гренье. Эти слова означают «пустой чердак». Вид-гренье – те же броканты, только с бытовым ассортиментом; у нас их называли бы барахолками. Здесь мирно соседствуют профессиональные антиквары и обыватели, и в душе каждого, само собой, сидит заклятый торговец.

Чего на этих вид-гренье только не встретишь! Велосипеды, запчасти, игрушки, одежда и обувь, постельное белье, скатерти и салфетки, кухонная утварь, столовые приборы, фаянсовая и фарфоровая посуда, разнокалиберная мебель, керосиновые лампы и подсвечники, метлы и совки, медные котелки, чугунные котлы, деревянные лавки и детские стульчики с покосившимися ножками и провалившимися сиденьями, прялки, лоскутные одеяла, старинное ручное кружево, пожелтевшее и истончившееся от времени, кованые решетки и экраны для каминов, подставки для дров, кочерги, какие-то чугунные штуки в форме сердца с деревянными ручками... Все эти ярмарки, броканты и вид-гренье насмешники-французы называют *марше-оттос*, блошиными рынками, или просто *тюсами*, блохами, и в этом есть немалая доля правды.

Однако мы отвлеклись.

Дело в том, что Маргарит Барон, двоюродная бабушка Мориса Детура, которая жила в Муляне в унаследованном им впоследствии доме, была художницей. Занималась она изобразительным искусством совершенно по Маяковскому, иначе говоря, по принципу «землю попахнет, попишет стихи», как писал поэт о крестьянине блаженного будущего. Маргарит Барон, чтобы развеять тоску одинокой жизни (она никогда не была замужем), затеяла писать картины в промежутках между копанием в саду-огороде. Для пейзажики, не имеющей ни особого таланта, ни художественного образования, картины были очень даже недурны, однако Маргарит и в голову никогда не приходило их выставлять или продавать. Морис, впрочем, рассказывал, будто некий ценитель искусств, занесенный в Мулян бурями Второй мировой войны, очень эти картины хвалил, сфотографировал их и поклялся, что со временем заведет в Париже собственный салон и непременно выставит там некоторые особенно удачные полотна. Маргарит Барон он пообещал сделать знаменитой не меньше, чем Берт Моризо⁶. Увы, эту клятву он так и не сдержал, и Маргарит Барон не довелось стать знаменитостью. Она дожила свой век в Муляне, продолжая радовать своим искусством разве что соседей.

Многочисленные ее полотна до сих пор хранились на чердаке, отсыревали и постепенно теряли товарный вид. Никакие музеи они, конечно, не заинтересовали. Их можно было бы продать частным коллекционерам, однако годных для продажи оказалось не так много, а главное, у Мориса решительно не было времени этим заниматься. Наконец ему удалось стовориться с одним антикваром из Дижона, что тот купит оптом десяток лучших (не столько в художественном отношении, сколько с точки зрения сохранности) полотен Маргарит Барон. Встречу дважды переносили, поскольку Морис был руководителем юридического отдела крупной компании и не всегда мог свободно распоряжаться временем и наезжать в Мулян. Обиженный торговец поставил вопрос ребром: или встречаемся в тот день, когда это удобно ему, а не мсье Детуру, или пускай мсье Детур сам разбирается с художественным наследием двоюродной бабушки. Встреча была назначена, и вот незадача – в Туре так некстати заболела мадам Детур-старшая.

⁶ Берт Моризо – французская художница из круга импрессионистов, муза и натурщица Эдуара Мане, впоследствии супруга его брата Эжена.

– Алена, ради всех русских и французских богов выручай! – взмолился Морис. – Я не могу упустить эту сделку. Еще месяц-другой под крышей нашего продуваемого всеми ветрами чердака – и эти картины мадам Барон можно будет отправить прямиком в *пубель*⁷, как все остальное, что там валяется по разным углам. Пожалуйста, встреть антиквара и просто передай ему уже отобранные полотна! Они стоят на чердаке у самой двери, прикрытые полиэтиленом. Ничего не нужно искать, перебирать – просто передать, и все. Ты поедешь в Тоннер поездом, билет я уже взял, там тебя встретит Жильбер... Ты помнишь Жильбера?

– Ха! – воскликнула Алена. – Как я могу забыть вашего соседа, скажи на милость?

– Конечно, я мог бы попросить Жильбера, чтобы сам передал картины антиквару, но вот беда – ему нужно срочно ехать в Дижон по каким-то делам, – с досадой сказал Морис. – Он тебя встретит, завезет в супермаркет, чтобы ты купила продукты (запасись на пару-тройку дней, потом мы все привезем, так что деньги зря не трать), доставит в Мулян, передаст ключи от дома – и сразу уедет. Ключ от чердака найдешь на обычном месте – среди других ключей на подзеркальнике.

– А о хитрости ты предупредил? – вмешалась Марина, жена Мориса.

– Ах да, – спохватился тот. – У нас на чердаке новый замок, я его недавно купил у того же торговца мсье Маршана, с которым вы будете общаться.

– Как-как его фамилия? – засмеялась Алена.

– Маршан, – усмехнулся и Морис. – Поистине он рожден для своей профессии⁸. Так вот о новом замке. Принцип такой: сначала два раза поворачиваешь ключ влево, как будто закрываешь, потом два раза вправо, как будто открываешь. А когда надо будет запереть чердак – все то же самое в обратном порядке.

– Боже мой, – с ужасом пробормотала Алена. – Два раза влево, два раза вправо... А закрыть...

– Два раза вправо, – хихикнула Таня, младшая дочь Детур, – потом два раза влево. Папа же сказал: в обратном порядке!

– Я этого в жизни не zapomню! – простонала Алена.

– Удивляюсь, как ты умудряешься писать романы полисье⁹, если не можешь запомнить таких простых вещей, – снисходительно изрекла Лиза. – Там ведь все логически вытекает одно из другого. Пожалуй, тебе в самом деле пора переходить на ужастики.

– Вот именно, – поддакнула Таня.

– Девочки! – сердито прошипела Марина, а ее муж укоризненно покачал головой.

– А разве в ужастиках одно не вытекает из другого? – усмехнулась Алена. – Представляете, девчонки, я никогда не помню телефонные номера или сколько раз направо или налево поворачивать ключ, но что касается логики сюжета – здесь у меня комар носа не подточит!

– Комар носа... что? – дружно спросили Лиза и Таня.

– Думаю, что выучу, как открывать замок, быстрее, чем вы поймете эту простейшую русскую поговорку, мои дорогие билингвы¹⁰, – съехидничала Алена. – Ой, мне пора, а то опоздаю на поезд! Пока-пока! Увидимся в прекрасной стране Мулянии!

В час пик даже в парижском метро бывает тесно, и у Алены не было никакой возможности заглянуть в «Воспоминания об М.К.», а так хотелось! Она до сих пор не верила своему счастью. Сколько она ни читала о знаменитой балерине, только некоторые биографы упоминали о «Воспоминаниях», но нигде их не цитировали и даже на них не ссылались. Создавалось впечатление, что эту книгу вообще никто не читал. Да и прочесть ее можно было только в

⁷ Poubelle – мусорный ящик (*франц.*).

⁸ Marchand – торговец, как правило, картинами.

⁹ Romans policiers – так во Франции называются детективные романы.

¹⁰ Билингв – человек, одинаково свободно владеющий двумя языками.

Париже, поскольку она, даром что написанная по-русски, была издана в конце 1940-х именно здесь, во Франции, да еще ничтожным тиражом в несколько десятков экземпляров.

Довольно некстати Алена вспомнила, что книга, из-за которой ее несколько лет назад сбросили с библиотечной лестницы, тоже была уникальной. Естественным путем мысль скользнула к нынешнему падению, а от него – к человеку, который сначала ее столкнул, а потом сам по непонятной причине рухнул на мостовую.

Она зябко передернула плечами и постаралась отвлечься от неприятных мыслей. Это было нетрудно: поезд как раз подходил к станции Берси, а значит, пора спешить на вокзал.

Из «Воспоминаний об М.К.»

Наша дружба вспыхнула внезапно, и я сразу захотела написать эту книгу – просто сохранить для памяти нашу с ней болтовню. У меня создалось впечатление, что М.К. просто не с кем поболтать. Само собой, у нее масса знакомых и приятелей, но они знали ее в былые времена, с ними нужно было соблюдать декорум и вести себя, как подобает светлейшей княгине. Со мной же она встретилась в демократичном поезде, возвращаясь с работы даже не как буржуазка, а как самая обычная *травайез*¹¹, труженица.

Это придало нашим отношениям ту степень доверительности, которой М.К., по-видимому, недоставало.

Мы обменивались впечатлениями о книгах и фильмах, об общих знакомых, о событиях, которые происходили на наших глазах, жаловались, иногда плакали, утешали друг дружку, вместе страдали, когда Гитлер напал на Россию... При моем состоятельном супруге-французе мне, конечно, приходилось легче, чем новой подруге, и я бывала счастлива, если хоть чем-то могла ей помочь. Хотя бы продуктами – у нас были средства покупать их на черном рынке.

Это там, дома, она была знаменитой балериной, бывшей возлюбленной государя императора, невенчанной женой великого князя Сергея Михайловича, одной из самых богатых и известных женщин России. Здесь, в эмиграции, ей с самого начала приходилось непросто. Конечно, она дважды гастролировала в Париже еще до того, как революция уничтожила Россию, но тогда она была этуалью, ведущей балериной, а теперь? Она была эмигранткой, женой человека на шесть лет ее младше, почти лишившейся средств к существованию. Она по-прежнему выглядела очаровательно, но все же постарела для сцены...

М.К. надо было поддерживать или не поддерживать интриги, которые клубились между членами царской фамилии. Надо было зарабатывать деньги. Надо было утешать мужа, великого князя Андрея Владимировича, который совершенно потерялся вдали от родины и беспрестанно пускался в авантюры. То ввязался в банковскую историю, чтобы заполучить фамильное серебро из Ливадийского дворца, то поверил в завещание адмирала Алексева, якобы оставившего несколько миллионов золотых рублей «назначенному» русским императором Кириллу Владимировичу. Получить эти деньги – по «завещанию» – можно было только в России. Андрей Владимирович готов был составить старшему брату компанию в путешествии, но, к счастью, вовремя выяснилось, что это «завещание» было всего лишь попыткой чекистов выманить их из Франции и арестовать. Потом супруг М.К. примкнул к самозванке Анне Андерсон, она же Франциска Шанцковская, назвавшей себя Анастасией. Когда самозванку разоблачили, он предложил дочери нового императора Кире сниматься в голливудском кино о семье Романовых.

Все это вызывало справедливый гнев Кирилла Владимировича и не могло не огорчать М. К. Ей нужно было печься о сыне (Вово с его хваленой элегантностью всегда казался мне каким-то выдуманым, экранным персонажем), терпеть его опасное увлечение младороссами (об этом я надеюсь еще рассказать) и ладить или не ладить с его женщинами... Впрочем, к

¹¹ Travailleuse – работница, труженица (франц.).

чести Вово́ следует сказать, что у него-то хватило здравого смысла понять: «воскресшая» Анастасия, которую пытался поддерживать его отец, – типичная самозванка. А ведь М.К. тоже усматривала в Андерсон-Шанцковской некоторое сходство с тем, кого так любила, и уверяла, что у нее взгляд совершенно как у императора Николая...

Да что говорить, все в этой семье держалось на М. К. Великая балерина, конечно, хотела танцевать, и знакомство с Сергеем Дягилевым иногда давало такую возможность. Но при своем трезвомыслии она была благодарна судьбе хотя бы за то, что может учить других. Собственную балетную студию она открыла в Париже в 1929 году.

Ей тогда было 57, а когда мы познакомились, уже 67 лет, однако жизненной стойкости ей было не занимать. Конечно, ей приходилось трудно, и мне всегда казалось, что в наших разговорах (она называла их болтовней, но относилась к ним гораздо серьезнее, чем старалась показать) она словно бы погружается в то время, когда была счастлива, богата, любима, знаменита, когда жила в мире с собой, – и ей от этого становится легче...

Иногда она с особым выражением мурлыкала знаменитую «Снежинку». Не знаю, кто автор этой песенки, помню только, что ее божественно исполнял Вертинский, этот идол эмигрантов. В такие минуты я понимала, что она по-прежнему видит себя розовой пушинкой, царицей грез:

Она казалась елочной игрушкой
В оригинальной шубке из песцов,
Прелестный ротик, маленькие ручки,
Такой изящной феей дивных снов!
Она казалась розовой пушинкой,
Когда мы повстречались на катке.
Она в ту ночь... приснилась мне снежинкой,
Волшебницей, Снегурочкой во сне.
И я – влюблен,
И я – влюблен,
И засыпая, шептал:
«Моя снежинка, моя пушинка,
Моя царица дивных грез!
Моя Снегурочка, моя волшебница,
К твоим ногам я б жизнь принес!»

Конечно, это были сны наяву. Просыпаясь, ей приходилось возвращаться к реальной жизни, и я была счастлива помочь М.К. хоть немного. Я в самом деле считала ее великой балериной, однако здесь я пишу не о ее балетных успехах. Их я касаюсь только тогда, когда обойтись без этого невозможно.

Ее когда-то называли генералиссимусом русского балета, намекая, что в иные годы она слишком многое держала в своих крохотных ручках – кому-то могла дать роль, а у кого-то могла и отнять. Об этом я тоже писать не собираюсь. Мне интересны лишь те минуты откровенности, которыми иногда удостаивала меня М.К.

Многое из того, что было доверено мне, она не раскрывала (я в этом не сомневаюсь) больше ни перед кем. И рассказы эти порой были необычайно откровенны.

Чего стоил, например, такой пассаж.

М.К. очень любила старшую сестру Юлию, в замужестве баронессу Зедделер, тоже балерину и лучшую свою подругу. М.К. говорила, что именно Юлия преподавала ей весьма ценный урок отношений с мужчинами.

– Все эти господа, которые аплодируют нам из зрительного зала, – сказала Юлия как-то раз, вернувшись с удачного спектакля, – уверены, что если мы показываем ноги и голые руки, а партнеры обнимают нас, берут на руки и хватают за грудь, за бедра и между ног, – значит, мы очень доступны и не откажем ни единому мужчине. Это заставляет «приличных женщин» смотреть на нас с презрением, а мужчин – с вожделением. Каждый из них мечтает овладеть нами, вовлечь в грех. То, что они делают с женами, им наскучило, это обязанность, а от греха люди получают наслаждение. И грешить с балеринами кажется им куда более изысканным, чем ездить в *maison de joli*¹².

М.К. говорила, что она – тогда еще невинная, безгрешная Маля, Малечка – скептически поджала губы:

– От меня они этого не дождутся. Я никому ничего не позволю. Я не такая.

– Чем быстрее ты поймешь, что нам лучше быть именно такими, тем будет лучше, – жестко оборвала ее Юлия. – Ты в самом деле думаешь, что можно чего-то добиться мастерством? Нужна протекция, а протекцию может составить только мужчина. Но мужчина ничего не сделает даром. Он пожмет плечами, если ты ему посторонняя, и расшибется в лепешку, если он твой любовник.

– А ты? – робко спросила Маля.

Юлия невольно улыбнулась:

– Хочешь спросить, сплю ли я с кем-нибудь?

– Юля! – в ужасе вскричала младшая. – Такие слова... Маман рассердилась бы на тебя!

– Ах боже мой! – засмеялась Юлия. – Ты уже в выпускном классе училища, хватит строить из себя невинность. Но имей в виду: отдаться стоит только такому мужчине, который обеспечит тебе независимость – по крайней мере от прихотей театральной дирекции.

– А у тебя уже есть такой мужчина? – Маля затаила дыхание.

– Меня познакомили с одним бароном. – Юлия лукаво улыбнулась.

– Бароном?

– Он мне ужасно нравится. Он говорит, что влюблен в меня и женится, когда выйдет в отставку.

– Так он старый, если говорит об отставке! – разочарованно протянула Маля.

– Старый? – возмутилась Юлия. – Да он всего на три года старше меня!

– Значит, ему двадцать три, – быстренько подсчитала Маля. – Тогда он выйдет в отставку не скоро.

– Честно говоря, я не спешу замуж, – усмехнулась Юлия. – Мне гораздо больше нравится танцевать, быть свободной и проводить время с влюбленным мужчиной, который оплачивает мои наряды и дарит милые безделушки. А с замужеством и детьми можно подождать.

– Как, ты не хочешь иметь детей? – ужаснулась Маля. – Но наша маман...

– Я обожаю маман, но тринадцать детей иметь не хочу, – покачала головой Юлия. – Нет, пусть их лучше не будет вообще!

– А у меня будет много детей! – с воодушевлением сказала Маля.

– И много мужей? – хихикнула сестра.

– Нет, я не хочу много мужчин! Хочу замуж, венчаться в Исаакиевском соборе и чтобы сразу много детей!

– Прямо сразу? – передразнила ее сестра. – И сразу много? А как же балет? А поклонники?

Маля растерялась.

Еще бы. В то время она действительно не представляла, как все это совместить. Пройдет совсем немного времени, и она об этом узнает. Но тот разговор с сестрой не забудется – он

¹² Maison de joli – веселый дом, он же публичный.

подготовит ее и к мгновенной капитуляции перед цесаревичем, и к частой смене любовников, он же научит ее быть жестокой с теми, кто ее любит...

Впрочем, это всего лишь один из примеров нашей с ней доверительной болтовни.

Иногда М. К. с князем Андреем Владимировичем принимались мечтать, что ей непременно следует сесть за книгу воспоминаний. Эти мечты очень воодушевляли Андрея Владимировича, он оживлялся, набрасывал заметки – о чем следует написать его жене...

А она исподтишка бросала на меня взгляды, и только мы с ней знали, что в этой парадной книге, которая виделась Андрею Владимировичу, не будет места озорству и забавным непристойностям, о которых знала я одна. Тогда я давала себе слово, что когда-нибудь непременно напишу совсем другую книгу о ней. Это будет ее книга – я просто запишу ее воспоминания. Конечно, не от первого лица, конечно, не указывая имени – только инициалы. Разве что иногда я буду называть ее так, как звали только самые близкие, – Маля.

Наверное, кто-то сочтет, что белоснежную мраморную статую я обливаю алой кровью или пачкаю черной смолой, но не сомневаюсь, что, когда книга будет закончена, она – М.К., Маля – прочтет эти страницы с удовольствием, а иногда, может быть, и прольет над моей рукописью слезу умиления.

Бургундия, Тоннер-Мулян, наши дни

Поезд шел до Тоннера два часа, останавливался чуть ли не у каждого столба, но оказался на редкость комфортабельным – с просторными купе, в которых могли поместиться сразу шесть человек.

Народу было много, но Алене удалось найти купе, где поначалу сидела одна не слишком молодая дама. Когда наша героиня спросила, можно ли войти, дама окинула ее оценивающим взглядом, неприветливо кивнула в знак согласия и демонстративно отвернулась к окну. Алена, которая отнюдь не была болтушкой, не имела ничего против того, чтобы помолчать. Она достала из сумки «Воспоминания об М.К.» и с удовольствием погрузилась в чтение.

Вместо имени автора на обложке значились только инициалы – С. С. Может, загадка откроется по ходу повествования? В любом случае чтение обещает быть интересным, и можно только пожалеть, что книга такая маленькая – карманного формата, то, что теперь называют пocketбуком, и вдобавок довольно тоненькая. По своей дурацкой привычке Алена сразу заглянула в конец и грустно вздохнула: в послесловии от издателя было сказано, что книга осталась недописанной по причине смерти автора. Тайна псевдонима тоже немедленно открылась – «Воспоминания об М.К.» оставила Серафима Серпан. Издание осуществил уже после войны ее супруг, француз.

Что же, приходится довольствоваться тем, что имеешь.

Стоило Алене углубиться в книгу, как дверь купе тут же открылась. На пороге стоял мужчина лет тридцати, и Алена с трудом подавила смех – такое преобразование произошло с ее угрюмой соседкой. Она встретила нового пассажира с откровенным восторгом. Ясно, эта дама из числа тех, кто терпеть не может существ одного с собой пола, особенно если они молоды и красивы. Зато мужчины пользуются ее неизменным расположением.

Что тут добавить, если Алена Дмитриева и сама была такой?

Молодой человек оказался весьма привлекательным: высокий, широкоплечий, стройный, белокурый, голубоглазый. Но нет, типаж «Зигфрид» Алене с некоторых пор решительно разонравился. У нее был кавалер именно такого типа, расстались они не слишком дружелюбно, и сейчас требовался тайм-аут, прежде чем снова начать строить глазки голубоглазым красавцам. С другой стороны, черноокие брюнеты ее тоже не привлекали, поскольку самая большая любовь ее жизни была связана именно с таким брюнетом, и сердечная рана, нанесенная этим секс-символом, судя по всему, будет ныть пожизненно. Одним словом, ярким блондинам и брюнетам Алена Дмитриева с недавних пор предпочитала шатенов умеренных тонов

– просто чтобы разнообразить палитру увлечений. Ей было глубоко плевать, что в последнее время большинство интересных мужчин неожиданно сделались младше ее (время иногда проделывает с мужчинами такие странные вещи). По-прежнему кавалеры гонялись за Аленой Дмитриевой, а не она – за кавалерами.

Справедливости ради следует сказать, что наша ослепительная героиня тоже оставила Зигфрида равнодушным. Он удостоил ее лишь беглого взгляда, но та, другая дама, мигом взяла его в оборот. Однако он весьма ловко уходил из-под обстрела, то и дело переводя разговор на красоты пейзажа и местные достопримечательности. Дама оказалась неплохо о них осведомлена и сообщила туристу – а молодой человек, как выяснилось, был не кем иным, как немецким туристом, вот откуда его жестковатый акцент – массу интересного. Уткнувшись в книжку Алена иногда даже забывала переворачивать страницы – так увлекли ее подробности славного прошлого Тоннера, Нуайера, Осэра, Невера, шато Танле, посещение которого когда-то едва не стоило ей жизни¹³...

В конце концов дама, трещавшая без умолку все два часа пути, утомилась и решила сделать паузу.

– А что вы можете рассказать о Муляне, мадам? – осторожно нарушил тишину блондинистый альман¹⁴.

Алена быстро глянула на него поверх книги и только сейчас заметила, что у этого большеголового и довольно высокого молодого человека изящные, почти девичьи уши с крохотными мочками и тридцать восьмой, не больше, размер ноги.

Невольно вспомнилось, как Брюс Уиллис говорит в «Крепком орешке»: «Из всех террористов в мире мне попался тот, у которого ноги меньше, чем у моей сестры!» Она с трудом подавила усмешку.

Хотя увлеченные друг другом собеседники не обращали на нее ни малейшего внимания. Возможно, увидев на обложке кириллицу, они решили, что соседка французским не владеет, и с этой минуты она как бы перестала для них существовать. Алена, которая знала Мулян как свои пять пальцев, мстительно молчала.

Как оказалось, соседка по купе тоже отлично знала Мулян и бодро сообщила, что это всего-навсего деревушка, которая оживает только летом, а зимой там остаются немногочисленные фермеры, владельцы окрестных полей, а все остальные уезжают в Дижон, Лион и другие более или менее крупные города, где можно найти работу. В Муляне нет ни кафе, ни магазинов, ни отеля, ни школы, даже старая церковь там открывается только на Рождество и на Пасху. Лучше всего мсье Зигфриду... Алена чуть не расхохоталась: надо же было попасть так в яблочко! Имя, кстати, довольно старомодное; наверное, в Германии, как в России и во Франции, пришла мода на старину, отсюда все эти Федоты, Тристаны и Зигфриды. Да, так вот, лучше мсье Зигфриду остановиться в милом городке Нуайере, известном своими соборами, великолепными старинными зданиями в бургундском стиле, а также брокантами, которые там регулярно проходят. Она сама живет в Нуайере и охотно покажет все достопримечательности. А в Муляне делать совершенно нечего!

У Алены язык чесался от желания вступиться за обожаемый Мулян, но, строго говоря, дама была абсолютно права. И магазинов там нет, и в школу немногочисленных детей возят в Нуайер за шесть километров, и зимой, наверное, от тоски можно помереть... Но пару недель, которые Алена пробудет в этом восхитительном месте, она будет совершенно счастлива! А те, кому Мулян не нравится, пускай нервно курят в сторонке.

Поезд стал замедлять ход, приближаясь к Тоннеру. Алена выскочила в коридор, первой сошла на перрон и немедленно облобызалась с замечательным добряком Жильбером. Здесь

¹³ Об этом – в романе Елены Арсеньевой «Коллекция китайской императрицы».

¹⁴ Allemand – немец (*франц.*).

вообще все напропалую друг с другом целуются – правда, не троекратно, как принято у нас, и не однократно, как, скажем, в танго-сообществе, а четное число раз – дважды или четырежды. Потом она забежала в супермаркет, чтобы запастись продуктами на ближайшие дни, и уже через четверть часа «Рено» Жильбера мчался к выезду из Тоннера.

– Через Френ или через Самбор? – весело спросил Жильбер, с удовольствием поглядывая на Аленино счастливое лицо – он-то вполне разделял ее обожание страны Мулянии.

– Через Френ! – выбрала Алена, которой очень нравилась эта деревушка в пяти километрах от Муляна. Во Френе прекрасное, пускай и заброшенное старинное аббатство и небольшая школа верховой езды.

На выезде из Тоннера они миновали ангар с вывеской «Прокат автомобилей, мотоциклов и велосипедов Обен & Фрессон». У открытой двери стоял небольшой красный «Пежо», и его, к удивлению Алены, придирчиво оглядывал не кто иной, как мсье Зигфрид.

Хозяин проката, румяный лысый толстяк в защитного цвета жилетке с множеством карманов, заметил машину Жильбера, приветливо махнул, и Жильбер в ответ нажал на сигнал. Зигфрид вздрогнул, обернулся с недовольной миной, но «Рено» уже умчался, и Алена сразу забыла о недавнем попутчике. Он принадлежал прошлому, а ее интересовало будущее – Мулян!

До деревни долетели за какие-то четверть часа, едва успев обменяться новостями. Все соседи живы-здоровы, американцы Марк и Труди уехали на несколько дней в Париж, но скоро вернуться, Жозефина, слава богу, выздоравливает, Филипп наконец женился, балует жену непомерно, даже лошадь ей купил...

Но вот, лихо затормозив, Жильбер выгрузил Алenu и ее багаж рядом с домом Детур, сунул ей ключи, сказал, что газ и воду он уже включил, так что все в порядке, снова расцеловал нашу героиню, попросил прощения за спешку – и умчался в соседний дом, откуда уже через пять минут выехал в другом направлении. Жаклин, его жена, только успела махнуть Алене из окна и послать воздушный поцелуй – видно, соседи и вправду спешили, не до реверансов и обычного политеса.

Алена не обиделась – все ее внимание целиком занял дом. Сейчас она смотрела на этот давно знакомый двухэтажный дом, буквально вытаращив глаза, как будто видела его впервые.

Отчасти так оно и было. Конечно, Морис и Марина рассказывали, что сделали в загородной резиденции небольшой ремонт. Но о том, что исчезла главная ее примета – голубой фасад, и словом не упомянули! Из-за этого фасада дом в округе получил имя *maison bleue*, «голубой дом», и история его стала местным преданием.

Дело в том, что один из предков Детура, Шарль Барон, участвовал в сражениях Первой мировой войны. Готовясь к встрече героя после победы, родственники решили покрасить фасад в цвета французского флага: голубой, белый и красный. По неведомым причинам намерения изменились – может, просто не нашлось белой и красной краски. Шарль Барон въехал на празднично украшенной повозке в родную деревню и едва не рухнул без чувств: фасад его дома ярко голубел. Все оставшиеся годы мсье Барон безуспешно старался отмыть, отскрести, оттереть и любыми другими способами отчистить изуродованный фасад и принуждал к этому же чад и домочадцев. После смерти мсье Барона наследники бросили это бесполезное занятие, уж очень стойкая краска им досталась – она так и въелась в штукатурку. И вот только теперь Морис вернул родовому гнезду первоначальный вид. Исчезли и полуоблупившаяся со временем штукатурка, и все следы голубой краски.

Теперь это был истинный шато!

– На месте мсье Барона я бы еженощно восставала из могилы и являлась полюбоваться этой красотой, – пробормотала Алена. – Благо идти недалеко: кладбище буквально за садовой оградой! Надо будет подкинуть девчонкам эту мысль, чтобы как следует подрожали от страха.

Коварно улыбаясь, она подняла свои сумки и вошла в бывший *maison bleue*.

Распахнув все окна и двери, чтобы в каменном доме стало теплее, наша героиня отправилась на прогулку по саду. Она придирчиво рассматривала поспевающую мирабель и прикидывала, удастся ли до отъезда сварить для семейства Детур варенье. Нарвала себе на ужин ежевики с куста, притулившегося к нагретой солнцем каменной стене, поздоровалась с каждым деревом и с каждой розой и вернулась в дом, предварительно подперев здоровенным суком шаткую садовую калитку. Поела ежевики с сыром (она любила странные вкусовые сочетания) и тут вспомнила, что завтра приедет антиквар. Неизвестно, во сколько он появится, – в деревнях люди встают рано. Лучше сейчас пойти и отыскать картины, которые нужно будет ему отдать.

В салоне на полке под зеркалом нашлись ключи от гаража, от амбара, от погреба (само собой, при доме имелся винный погреб, где бутылки хранились в особых решетчатых ящиках) и от прочих помещений. На каждом – свой брелок с пометкой. Ключом от чердака оказался, строго говоря, не ключ, а ключик – с затейливой крученой головкой, многоступенчатой бородкой и витой трубкой. Около бородки была выгравирована не то буква Y, не то четверка.

Продолжая разглядывать это изящное изделие, Алена поднялась по внутренней лестнице. Скажем прямо, во Франции ей еще ни разу не приходилось видеть чердак, куда надо было бы забираться по приставной лестнице, как в старом фильме «Тимур и его команда». Она вставила ключ в скважину довольно скромного с виду замка и, проделав необходимые манипуляции, – память у нашей героини на самом деле была не такой дырявой, как она любила иногда демонстрировать, – открыла дверь.

Да, понадобилось бы немало вид-гренье, пюсов и брокантов, чтобы этот чердак опустел. Пока он был буквально набит всяческим добром или барахлом, это уж как посмотреть. Сундуки, какие-то свертки, узлы, старые люстры, сломанные прялки, стопки разбитой посуды, зеркало в треснувшей раме, заросшее пылью до того, что в нем ничего не отражалось... Нет, собрать всю здешнюю пыль ей ни капли не улыбалось, поэтому Алена сразу отошла к покрытым полиэтиленом полотнам, натянутым на подрамники.

Она приподняла полиэтилен и стала осторожно рассматривать картины.

Может, дело было в слабо горевшей лампочке, но творения Маргарит Барон показались ей очень даже недурными. И это после нескольких десятков лет в совершенно неподходящих условиях! Краски здорово потускнели, конечно. Наверное, эти натюрморты и пейзажи раньше выглядели куда ярче и живее. Как хороши эти фантастические девушки-лебеди, бегущие между белых, словно заснеженных деревьев... Однако у мадам Маргарит было весьма изощренное воображение! А вот этот портрет явно в реалистической манере, каждая деталь тщательно выписана. Очень хорошенькая и очень печальная девушка в унылом черном платье, украшенном круглой брошью, кажется, серебряной, с синим камушком посередине. Внизу дата – 1944 год.

Другие портреты – какого-то старика с красным носом, двух суровых пожилых дам, одна в монашеском чепце, другая в кружевной шали, улыбающегося и обнаженного по пояс светловолосого мужчины, пожилого крестьянина, каких-то детей – были написаны с той же тщательностью.

– Почему-то мне кажется, что торговец очень быстро найдет покупателей для этих симпатичных полотен, – пробормотала Алена. – Завтра надо будет другие картины посмотреть. Вдруг да...

Сейчас она толком уже ничего не увидит – слишком здесь темно. Утром можно будет открыть окно на крышу и впустить свет.

Алена спустилась с чердака, приняла душ, постелила себе на старинной кровати, на которой всегда спала в этом доме, и вдруг вспомнила, что забыла запереть дверь. Все-таки одной в таком доме, да еще на окраине деревни, спать страшновато. Лучше поднять все мосты и закрыть все ворота!

Она снова спустилась на первый этаж, задвинула болты ставен снаружи и изнутри, потом заперла все четыре уличные двери – в столовой, в салоне, в кухне и еще дверь черного хода под лестницей с очень тугим и неудобным замком. Поднялась в спальню, еще немного почитала «Воспоминания об М.К.» и наконец выключила свет.

Тишина стояла невероятная. Алене всегда требовалось время, чтобы привыкнуть к этой мулянской тишине. Утром закурлычат дикие голуби, заорут петухи в курятниках у Жаклин и Франсуазы, в семь часов старые церковные часы пробьют девять раз, как это было здесь с незапамятных времен, а сейчас тишина, такая тишина...

Треск мотоциклетного мотора заставил ее резко открыть глаза. Кому вздумалось исследовать мулянские дороги среди ночи?

Свет фар скользнул по фасаду бывшего *maison bleue*, мелькнул между щелочками деревянных ставен-жалюзи, и мотоцикл умчался.

Алена свернулась калачиком и уснула так же мгновенно, как засыпала здесь всегда. Рев мотора несколько раз в течение ночи прорезал ее безмятежный сон и наполнял душу странной тревогой. «Зачем он мотается туда-сюда, неужели делать нечего?» – ворчала она, но не могла понять, наяву ворчит или во сне.

Из «Воспоминаний об М.К.»

Однажды я спросила у своей новой приятельницы, какое событие она считает самым важным: встречу с будущим российским императором, встречу с Андреем Владимировичем, своим будущим мужем, или рождение обожаемого сына Вовб. Вопрос был каверзный, однако у меня создалось впечатление, что М.К. и сама довольно часто об этом задумывается, и ничего удивительного в этом нет.

Ответила она без малейших колебаний:

– Если бы я не встретила Ники, в моей жизни не было бы ни Андрея, ни Вовб. Без него у меня не было бы многого и многих. Поэтому я никогда не забуду тот день, когда увидела его впервые!

Ее глаза подернулись слезами, однако она прекрасно умела владеть собой, недаром ей так нравились роли, которые требуют не только балетного, но и драматического искусства.

– Как же я была наивна и глупа! – вздохнула М.К. – Конечно, кокетство было моей второй натурой, я родилась кокеткой и довольно часто уже испытывала свою женскую силу, и мне, конечно, было безразлично, разобьет это чье-нибудь сердце или нет. Помню, я совершенно из вредности влюбила в себя одного молодого англичанина, Макферсона, и, разумеется, разрушила его будущий брак с белобрысой англичанкой по имени Элис. Не то чтобы он мне так уж был дорог, просто хотела досадить этой Элис, да и имя ее мне ужасно не нравилось. Потом это имя мне отомстило...

Я понимала, о чем она говорит. Супругу нашего императора до крещения в православие звали Виктория Аликс. Аликс – уменьшительная форма от Элис. Так звали ее мать, герцогиню Гессенскую. Наш государь всю жизнь называл жену именно Аликс.

– Честно признаюсь, что, когда я увидела Ники, у меня и мыслей не было о кокетстве! – продолжала М.К. – Я была ошеломлена. Конечно, влюбилась в него мгновенно, да у нас все девушки в него влюбились! Но ведь мы с ним тогда даже не подозревали, что наша встреча подстроена! Позже, когда Сергей раскрыл всю подноготную того знаменательного визита царской семьи к нам в училище, я была потрясена. Ах, а начиналось все так торжественно и чудесно!

Впрочем, она тут же вздохнула:

– Не сомневаюсь, что все историки первым делом напишут об этом – о нашей встрече. О том, как 23 мая 1890 года государь император Александр Александрович привез семью на выпускной спектакль в Театральное училище, как обратил на меня внимание, как посадил нас за столом рядом с Ники...

Надо отметить, что именно так М.К. почти всегда называла бывшего государя императора.

– В конце концов это станет общим местом. Вы мне не верите, мой друг?

– Дорогая Матильда, – возразила я тогда, – но ведь это в самом деле необычайно интересно и восторженным девицам, и любителям перетрясти личную жизнь монархов, и всякому обывателю, и уж конечно историку! Считайте меня тем, другим, третьим и четвертым в одном лице, поэтому сделайте милость, посвятите в существо дела – хотя бы без особых подробностей.

– Ах, что вы, милая Симочка! – усмехнулась она.

Давно нужно было сказать, что меня зовут Серафимой, и я решила, что, если напишу книгу об М.К., подпишу ее не по-русски – Серафима Серпан, а по-французски – Séraphin Serpent, а то и вовсе инициалами – С. С. Кстати, должна сказать, сочетание Séraphin Serpent казалось М.К. довольно скандальным и изрядно веселило ее. Да уж, змеиный серафим...

Впрочем, я отвлеклась.

– Что вы, Симочка! – сказала М.К. – Подробности – это и есть самое интересное!

Вот какие подробности я узнала тогда о первой встрече Мали и Ники.

– Не скажу, что я что-то особенное предчувствовала, – вспоминала М.К. – Нет, я слишком была возбуждена. Как же – танцевать перед государем, государыней и наследником!

И вот действие началось. Маля от волнения не видела, что творится в зале, но остро чувствовала, как на нее смотрят. Ах, да одно перечисление титулов здесь могло свести с ума! Одна из учениц от страха пару раз сбилась с ноги, другая вступила не в такт, но Мале нервное напряжение сообщило особую собранность, которая помогла достичь точности движений и одухотворенности общего рисунка.

Поскольку Маля числилась среди первых учениц, ей предстояло танцевать соло. Даже более того – она получила право сама выбрать танец. В то время она находилась всецело под впечатлением танцевальной манеры Вирджинии Цукки, а потому выбрала один из ее номеров. Это был прелестный, выразительный танец, лукавый и кокетливый, – па-де-де из балета Герольда «Тщетная предосторожность» в постановке Добервиля. Потом ей придется танцевать его очень часто, но пока она об этом, конечно, не знает.

Наряд она себе выдумала сама, и он получился очаровательный: пышное и легкое голубое платье с букетиками ландышей.

Она решила не просто танцевать – она решила быть веселой, плутоватой и лукавой Лизой, которая всячески старается соблазнить своего поклонника Колена.

Ее будущий возлюбленный потом скажет, что сразу выделил ее среди прочих, и государь, заметив, с каким вниманием он смотрит на нее, лукаво спросил:

– Хорошенькая полька, а? – и толкнул его в бок локтем.

И в тот же вечер, по его собственному признанию, на Малю обратил внимание и великий князь Сергей Михайлович. Он давно мечтал завести нежную подругу не из числа светских дам, и эта девушка показалась ему подходящей кандидаткой. Ко всему прочему она была миниатюрной и изящной, а Сергей Михайлович, высокий и статный, с ума сходил по маленьким дамочкам. Впоследствии он признался, что уже тогда мечтал поцеловать ее крошечную ножку, и во что бы то ни стало решил сесть во время чаепития рядом с ней.

Маля тоже сразу обратила внимание на Сергея Михайловича – высокого, красивого, с приятной улыбкой и застенчивым выражением лица. Но все же взгляды собравшихся первым делом приковывал наследник престола. Он был необычайно хорош собой: с большими глазами, которые казались то серыми, то зелеными, с добродушным выражением лица и легкой улыбкой, которая временами появлялась на его четко вырезанных губах. Наследник был невысок ростом, но величие, окружавшее его, словно делало его выше.

Директор училища выступил вперед, чтобы представить лучших воспитанников, но император перебил его:

– А где же М.К.?

Ники потом говорил Мале, что в эту минуту радостно встрепенулся. То же впоследствии повторил и великий князь Сергей Михайлович.

М.К., скромно стоящую в сторонке, выдернули из рядов и подвели к государю, перед которым она, как полагалось, сделала глубокий реверанс. Император подождал, пока она выпрямится, и протянул ей руку со словами:

– Будьте украшением и славой нашего балета.

Маля припала к его руке и снова нырнула в самом глубоком из всех мыслимых реверансов – не столько от почтительности, сколько чтобы скрыть изумление, смущение и растерянность. Потом она поцеловала руку государыни. Мале показалось, что императрица смотрит на нее странно, словно оценивает, но улыбка ее была вполне доброжелательной.

Потом, много позже, великий князь Сергей Михайлович посвятил Мале в значение этой улыбки. Оказывается, ее величество Мария Федоровна нарочно устроила поход в училище, чтобы показать сыну «хорошенькую польку»!

Бургундия, Мулян, наши дни

Проснулась Алена от петушиных криков. Грохот парижских мусоровозов, которые приезжают опустошать пубели в шесть утра, совершенно не мешал ей спать, а вот петухи разбудили, хотя за окнами только занимался день. Громогласному ку-ка-ре-ку вторило неумолчное воркование диких голубей, которые устроились на высокой садовой ограде – прямо у нее под окном.

– Пижоны, – сердито пробормотала Алена. – Саважи!

Надо сказать, что *pigeon* – по-французски «голубь», а *sauvage* – «дикарь». Птицы на правду не обиделись и продолжали ворковать.

Алена взглянула на светящийся циферблат старого будильника. Половина шестого. Не такая уж и рань, как показалось с перепугу. Даже хорошо, что проснулась. Неизвестно, во сколько приедет торговец по фамилии Торговец, но сидеть дома, когда за окном разгорается прекрасное муляньское утро, было выше Алениных сил.

«Далеко не побегу, – сказала она себе. – Только вокруг деревни нарежу кружок-другой и вернусь. А мсье Маршану оставлю записку с номером телефона. Приедет – наберет меня, и я сразу вернусь. Он увидит, что все ставни открыты, и поймет, что дома кто-то есть и его ждут, просто отлучились на минуточку!»

Она торопливо приняла душ, натянула шорты, майку, кроссовки и сунула в карман мобильник. Даже кофе не выпила, чтобы не терять времени. Торопливо нацарапала записочку, прикрепила ее скотчем к калитке и ринулась вперед, от души надеясь, что успеет вернуться прежде, чем прикатит антиквар.

Любимой ее дорогой среди множества, пересекавших Мулян, была та, что вела во Френ. По ней Алена и понеслась, чувствуя себя совершенно счастливой в Мулянии, стране ее сердца и души. Героиня наша была отчаянной патриоткой, но поделаться с любовью к Бургундии вообще и к Муляну в частности ничего не могла. Выходило некоторым образом по Маяковскому: Алена хотела бы жить и умереть в Муляне, если б не было такой земли – Россия.

Она смотрела по сторонам и радостно узнавала ароматные бледно-зеленые стены кипарисов, лиловые, с одуряющим запахом глицинии, низко раскинувшиеся заросли лаванды, кусты огромных розово-желтых роз чуть ли не у каждого крылечка, причудливые лужайки, прекрасно ухоженные, и столь же прекрасно заброшенные сады, дворики, украшенные остовами старых телег, превращенных в опоры для кашпо, простые, но красивые статуи, вырубленные из известняка местным скульптором Гийомом...

Пробегая мимо крайнего дома, Алена замедлила шаг. Здесь жила старая-престарая, очень может быть, даже девятистолетняя дама, которая, впрочем, носила клетчатые брючки и сабо на каблучках, лихо водила симпатичный синий «Ситроен» и так же лихо постригала свою лужайку триммером. Положим, клетчатые брючки и каблучки наша героиня тоже носила, с триммером в случае необходимости управлялась бы, а вот машину не водила (боялась), отчего даму эту очень уважала и весьма приветливо кланялась ей при встрече, хотя они и были не знакомы.

Алена уже почти миновала невысокую каменную ограду, за которой виднелись серые стены одноэтажного дома и окна, прикрытые на ночь белыми ставнями, как вдруг увидела на ограде узкий конверт. Он был придавлен камнем, но не слишком надежно и мог сорваться при любом порыве ветра.

«Вдруг там что-то важное», – подумала наша героиня, для надежности придавила неподписанный конверт вторым камнем и отправилась дальше.

За деревней развернулись во всю ширь просторы мулянских пшеничных полей, и Алена, забыв обо всем на свете, понеслась по шоссе, разве что не взвизгивая от счастья. Правда, далеко она не забегала – носилась вокруг деревни, чтобы не пропустить машину броканта. Само собой, она не имела представления, как эта машина будет выглядеть, но держала в уме классику жанра из знаменитого сериала «Луи-брокант» – как раз о приключениях добродушного торговца антиквариатом. Этот сериал в семействе Детур обожали все и смотрели только при ней раз пять, а значит, вместе со всеми смотрела и Алена. Серый фургон, очень напоминающий броневик, пока не показывался. Вряд ли Маршан приедет за картинами в субтильной легковушке, утешала она себя и продолжала кружить вокруг деревни и пересекать ее в разных направлениях, постоянно возвращаясь к пяточку у дома Детур.

И надо же, она все-таки прозвала антиквара! Он приехал, нашел записку и позвонил.

Ничего себе, ранняя же пташка этот мсье Маршан. Часы на церковной колокольне едва пробили девять, что означало семь. С другой стороны, кто рано встает, тому бог дает.

– Бегу! – завопила Алена. – Как я вас пропустила – ума не приложу. Буду через минуту, я сейчас около лавуара.

– Лавуар от вашего дома не меньше чем в пяти минутах, – отозвался брокант. – Но ничего, время есть, я подожду.

Ого, откуда этот господин так хорошо ориентируется в Муляне?

Алена стрелой пролетела по дороге, ведущей от лавуара, красивого здания общественной прачечной, построенного примерно в XVIII веке (источник, снабжавший «ванну» водой, бил до сих пор, хотя, понятное дело, теперь лавуаром пользовались только многочисленные мулянские лягушки), поднялась на горку и повернула было к дому, как что-то внезапно заставило ее замедлить шаг.

Какие-то, что ли, тряпки валялись под забором.

Алена обернулась – да так и ахнула, когда поняла, что это никакие не тряпки, а пожилая дама, о которой она недавно вспоминала, лежит под собственным забором! Старушка была в халате, наброшенном поверх длинной ночной рубашки. В пальцах у нее что-то желтело. Ветерок гнал прочь конверт – кажется, тот самый, который недавно придавила камушком заботливая Алена Дмитриева.

Желтоватый, словно выгоревший от времени листок, очевидно, лежал в конверте. Неужели у бедной дамы случился обморок после того, как она прочла то, что там написано? Да ну, ерунда. Наверное, что-то с давлением, с сердцем или еще с чем-нибудь, что настигает человека в таком возрасте.

Алена подбежала, опустила на корточки, осторожно перевернула пожилую мадам – и поразилась, какая же она легонькая. Надо же, совсем как птичка. Иссохла, бедная, от долгой жизни.

Цепочка с каким-то украшением, похожим на крестик непривычной формы, скользнула в вырез ночной рубашки.

– Мадам, – осторожно позвала Алена. – Мадам, очнитесь, пожалуйста!

Она легонько похлопала по высохшим бледным щекам, размышляя, не позвонить ли в «Скорую», но пожилая дама вдруг открыла глаза, неожиданно яркие на ее бледном лице.

Она бессознательно пошарила по тонкой морщинистой шее, пытаясь поправить сдавившую ее цепочку, но не смогла. Алена помогла ей и обнаружила, что на цепочке висит не крестик, а ключ, витой и затейливый, чем-то напоминающий ключ от чердака Детур. Только его украшали буквы X-Z, а может, это было X-2.

Мадам отстранила ее руку и невнятно выговорила:

– Тебя послал Рицци?

– Нет, что вы, – улыбнулась Алена, радуясь, что симпатичная старушка так быстро очнулась, – я не знаю никакого Рицци! Просто проходила вон там, по боковой дороге, и заметила, что вы лежите.

– Не ври, – выдохнула мадам, – я видела в окно, как ты положила письмо на ограду и придавила камнем. Кто тебе его дал?

– Я не имею никакого касательства к этому письму, – сказала Алена с ноткой нетерпения. В самом деле, ей пора спешить к антиквару, а не оправдываться в том, чего она не совершала. – Шла мимо, увидела, что конверт вот-вот слетит с ограды, вот и придавила его понадежней. Мадам, вы можете встать? Отвести вас в дом? Или позвонить врачу?

Можно было подумать, что ее слова унес шаловливый утренний ветер, потому что пожилая дама словно не расслышала ничего – сунула Алене желтоватый листок и пробормотала:

– Верни это тому, кто тебя послал, и скажи, что у меня ничего нет и не было, а тот серый конь руэн давно сгорел во Френе!

– Мон дье! – воскликнула Алена, вспомнив школу верховой езды во Френе и ужаснувшись этой весте. Наверное, там не один этот конь сгорел, но и другие лошади... – Какой кошмар! Бедные животные!

Некий проблеск сознания появился в глазах дамы. Она взглянула на Алену более осмысленно и проговорила уже не таким безжизненным голосом, как раньше:

– Прошу прощения, мадам, я, кажется, наговорила какой-то ерунды. Приняла вас за другую. У меня случаются приступы сомнамбулизма, и тогда я несу чепуху, брежу. Иногда мерещится прошлое, видятся старые знакомые... В мои годы что только не примерещится!

Алена растерянно кивнула, и тут шум мотора заставил ее повернуть голову. Рядом остановилась зеленая приземистая машина, немного похожая на лягушку. Распахнулась дверца, и на дорогу выскочил мужчина лет сорока. Это был типичный бургундец – широкоплечий, крепкий, загорелый, с лобастой головой и курчавыми, темными с проседью волосами. На подбородке рдело небольшое родимое пятно, впрочем, не слишком заметное благодаря загару. У незнакомца были мускулистые длинные руки с широкими ладонями. Кого-то он ей очень напоминал, только Алена не могла понять кого.

Незнакомец бросился к даме.

– Бабуля, что с вами? Снова ходили во сне? Или сердце? А где Эплл? Почему вы здесь и в таком виде?

«Хм, – подумала Алена, – высокие у них здесь отношения, однако! Быть на “вы” с собственной бабушкой! А кто такая Эплл, интересно? Собачка? Или служанка?»

– Эплл вчера уехала в комиссию по делам мигрантов, но к вечеру вернется, – проговорила старая дама, и Алена поняла, что речь все-таки о прислуге. – Я вышла подышать воздухом, но вдруг мне стало дурно, голова закружилась, и я упала. Эта любезная дама пришла на помощь. Благодарю вас, мадам! И ты поблагодари, Жак.

Жак сдержанно кивнул, а пожилая дама с неожиданной силой стиснула руку Алены, и та невольно скомкала загадочный листок, который они только что так бурно обсуждали.

– Это что? – насторожился Жак, увидев бумажку.

Сухонькие пальчики, сжимавшие руку Алены, дрогнули с таким откровенным испугом, что к нашей героине, словно переданное электрическим импульсом, пришло понимание: листок не стоит показывать типичному бургундцу. Еще это совершенно недвусмысленно свидетельствовало, что пожилая мадам вовсе не бредила, когда требовала вернуть письмо неведомому Рицци и утверждала, что какой-то серый конь сгорел. Здесь крылась тайна, и явно очень важная, не зря же мадам рухнула в обморок, прочитав письмо!

– Это мое, – сказала Алена спокойно. Сунула скомканную бумажку в карман шортов и достала одноразовый платочек. – Я хотела вытереть мадам лицо, но нечаянно вытащила эту бумажку.

– А вы, мадам, – начал Жак с какой-то странной, скорее даже обличительной, чем подзрительной интонацией, – вы русская! И, кажется, знакомая Детур? Я не люблю русских!

Да что ты говоришь? Кто бы мог подумать!

– Почему, позвольте спросить? – усмехнулась Алена.

– Моего деда убил русский. Во Френе! – злобно выкрикнул Жак. – В сорок третьем году туда пришел отряд этих разбойников маки¹⁵, и среди них был какой-то русский. Они убили моего деда. Досталось от них и другим коллаборационистам.

Алена не без труда подавила коварную усмешку. Коллаборационисты, ах, как красиво звучит! Это в переводе значит «сотрудники». Сотрудники оккупантов, фашистов, врагов! Предатели, ребята, предатели ваши коллаборационисты – вот самое точное для них определение. Таких сотрудников во Франции было хоть пруд пруди, и среди них попадались весьма именитые персонажи, взять хотя бы Жоржа Сименона, рукописи которого оккупационная цензура вполне одобряла. Коллаборационистами были и звезда кино Коринна Люшер, и ее отец, знаменитый журналист Жан Люшер по прозвищу Король Прессы, и сама Коко Шанель – да-да, представьте себе!

Само собой, плохо пришлось бы всем этим сотрудникам после победы над фашистами, но, на их счастье, мудрый де Голль¹⁶ объявил политику национального примирения. Иначе ему пришлось бы поставить к стенке чуть ли не каждого третьего соотечественника за это самое сотрудничество. Не зря французы до сих пор говорят: «Де Голль спас нашу честь!»

В Муляне сохранились две мемориальные доски – там, где были расстреляны молодые резистанты, жители этого села. Их просто швырнули к каменным стенам, увитым виноградом и плющом, и убили. Очень может быть, что их выдал фашистам Жаков дедуля-коллаборационист...

Глаза Алены сверкнули опасным огоньком, и весьма вероятно, на окраинной улочке Муляна сейчас приключилось бы что-то вроде Бородинской битвы, которая окончилась бы полной и окончательной Березиной, если бы пожилая дама в этот самый момент не простонала:

– Мон дье, о чем ты говоришь, Жак? Если я об этом давно забыла, ты-то зачем вспоминаешь? Ты же не видел никогда своего покойного деда, и даже твой отец появился на свет уже после его смерти! И вообще, при чем здесь эта милая особа, которая мне так помогла? Перестань болтать чепуху и отнеси меня в дом!

На свое счастье, типичный бургундец послушался. Он подхватил бабулю на руки и понес к дому, а Алена, вспомнив, что где-то рядом мается в ожидании антиквар, понеслась к себе. В

¹⁵ Маки – партизанские отряды, часть французского движения Сопротивления (Résistance), которые действовали в годы Второй мировой войны в сельской местности. Среди маки было немало беглых советских военнопленных.

¹⁶ Шарль де Голль – президент Франции в 1959–1969 годах, основатель французского Сопротивления.

спину ей, впрочем, прошелестели два мерси – одно очень искреннее, а второе явно брошенное через губу.

Да и господь с ними и с этими их мерси. Главное, чтобы торговцу не надоело ждать и он не уехал!

Из «Воспоминаний об М.К.»

Великий князь Сергей Михайлович говорил потом Мале, что императрица Мария Федоровна держала в крохотных ручках судьбы всех своих детей и ничего не собиралась пускать на самотек, тем паче в таком деликатном деле, как приобщение к радостям плоти.

Сергей Михайлович однажды намекнул М.К., будто наследник престола в ранней юности влюбился в какую-то неподходящую особу, которую вместе со всем семейством пришлось в двадцать четыре часа выслать из Петербурга. После этого он стал относиться к женщинам не без некоторой робости, а его увлечение юной гессенской принцессой Аликс усилилось.

Когда они познакомились, ей было всего двенадцать, Ники – шестнадцать. Но уже через день после встречи они стояли у окошка Петергофского дворца и алмазным кольцом Аликс писали на стекле свои инициалы, сплетая их вензелями, как это делают влюбленные.

«Мы друг друга любим», – записал Ники в тот вечер в дневнике и немедленно решил на ней жениться.

Это не нравилось императрице, вот она и решила отвлечь сына. То же советовал и новый воспитатель наследника Константин Победоносцев, которому император и императрица безоговорочно доверяли. У мальчишки возрастное любовное томление. Ему требуется романтическое увлечение, попросту говоря, ему нужна женщина. Пускай побесится, пускай перебежится – может, позабудет эту никчемную любовь к Аликс Гессенской.

Отвлечь, отвлечь. Но как?

Можно было приказать какой-нибудь фрейлине его соблазнить, но постоянно видеть перед собой особу, которая похитила невинность любимого сына, Марии Федоровне было бы неприятно. Представить ему какую-нибудь хорошенькую дочку сговорчивого дворянина? Однако здесь потребуются не только подарки девице, но еще чины и выплаты папаше. Зачем лишние расходы, когда их можно избежать?

Марию Федоровну осенило: не выбрать ли для цесаревича актрису? Ходили слухи, что даже у его предка и тезки императора Николая Павловича имелись какие-то амурные дела с актрисой Варварой Асенковой. Да и нынешние великие князья актерок весьма жалуют.

А впрочем, императрица не любила театр: актриски бывают вульгарны и ведут себя ненатурально. Нельзя, чтобы у будущего государя испортился вкус. Может быть, оперная певица? Нет, не дива, конечно, а красивая хористка. Хорошая мысль!

Но все же надо посоветоваться с мужем.

Государь идею не одобрил и сказал, что оперный голос к амурным делам никакого касательства не имеет, и вообще Ники равнодушен к опере, а вот на балетных премьерах оживляется, потому что ему нравятся женские ножки.

Балерина, балерина, задумалась Мария Федоровна. В Петербурге есть Императорское театральное училище, а в нем балетный класс. Неужто там не отыщется по-настоящему порядочная девушка, которая возьмет на себя почетный труд развеять тоску цесаревича?

Так, теперь нужно решить, какой национальности будет барышня. Только не русская – они слишком громогласны и грубы. Видно, императрица так и не могла простить соотечественникам мужа, что вынуждена смотреть на них снизу вверх. Немка? Нет, незачем лишний раз напоминать Ники об Аликс Гессенской. Француженка? Бог знает каким постельным пако-стям она может научить бедного мальчика. Еще войдет во вкус распутства! Вот если бы удалось найти польку... В польках есть настоящий шарм!

Здесь весьма кстати императрица вспомнила один давний эпизод.

Дети великого князя Михаила Николаевича, дяди императора, стали брать уроки мазурки. К ним привозили знаменитого танцовщика Феликса К., артиста Императорских театров. Михаил Николаевич предложил императрице привести на эти уроки и наследника. Ники был почти ровесник своим дядьям. Предложение показалось Марии Федоровне занятным, однако сначала ей захотелось посмотреть, как эти уроки проходят, и она появилась одна.

Юные Михайловичи, известные своим непослушанием, слушались изящного, невысокого учителя танцев как миленькие. К. привез с собой трех- или четырехлетнюю дочь – кудрявую, крошечную, миниатюрную, в польском костюме, таком маленьком, что он годился бы для куклы. Да и сама девочка напоминала куклу. Отец называл ее Малей. Она была сама непосредственность! Очаровательно кокетничала с подрастающими юношами и не только бойкого щеголеватого Сандро, отличного танцора, но даже самого застенчивого из братьев, Сергея, умудрилась вовлечь в вихрь мазурки.

Поскольку Ники тоже был очень застенчив и, честно признаться, весьма неуклюж, Мария Федоровна рассчитывала, что он рано или поздно не устоит перед этой маленькой кокеткой и тоже начнет танцевать. Однако на другой день К. появился у Михайловичей один и сообщил, что Малечка прихворнула и не смогла прибыть. Без нее обучение пошло не столь весело. Потом императрица где-то слышала, будто дочь К. поступила в театральное училище и подает надежды.

Теперь ей лет семнадцать. Балерина, подходящего возраста... Очаровательная, бойкая, к тому же полька! *Vonpe idée*, как говорят французы. Хорошая мысль, в самом деле хорошая!

Эта идея и привела венценосных гостей на выпускной спектакль Императорского театрального училища.

Предвижу некоторое недоверие со стороны читателей, которое возникнет по прочтении этой сцены. Разумеется, я не готова поклясться в подлинности каждого слова, которое услышала от М.К. или тех, что говорили ей великий князь, наследник престола и прочие. Буду рада, если мне удастся передать одно только ее впечатление о событиях, в которых она участвовала или о которых знала со слов своих близких. Впрочем, любые мемуарные записки весьма условны – вот и мои таковы.

Вернемся в училище. Когда выпускниц по очереди представили императору и императрице, все перешли в столовую, где был сервирован праздничный ужин. Угощение расставили на трех столах – двух длинных и одном поперечном.

В столовой император громко спросил Малю, скромно стоявшую поодаль:

– А где ваше место за столом?

Она ответила растерянно:

– Ваше величество, у меня нет своего места за столом, я приходящая ученица.

– И что же? – удивился Александр. – Вы не едите целыми днями, пока идут занятия?

Малю не удержалась и прыснула:

– Ах нет, ваше величество, конечно, в обычные дни я ем вместе со всеми, но за этим торжественным столом нам, приходящим, дозволено будет усестись, только если останутся свободные места.

– Ваше величество, позвольте, – начал великий князь Сергей Михайлович, выступая вперед. Как раз тогда он и намерился сесть рядом с понравившейся ему девушкой. Но государь прервал его и потребовал, чтобы Всевожский посадил Малю около него самого, а наследника – рядом с ней по другую руку. И весело предостерег:

– Смотрите только не флиртуйте слишком!

Цесаревич разговорился с хорошенькой соседкой. Малю рассказывала о своей семье, об отце. Казалось, они с Ники так увлеклись, что никого не замечают.

Великий князь Сергей Михайлович позже признавался Мале, как он ревновал, как мучился. «Что же, *tant pis!*¹⁷» – вздохнул он уныло.

Надобно заметить, это была любимая поговорка Сергея Михайловича. Он перенял ее от своего воспитателя, полковника Гельмерсена, бывшего адъютанта отца. В свете за Сергеем Михайловичем закрепилось прозвище Мсье Танпи.

Если бы великий князь мог заглянуть в будущее, он бы узнал, что ему не раз еще придется печально вздыхать из-за этой женщины. Встреча с ней станет для него роковой. Вся его жизнь будет брошена ей под ноги – под эти крошечные ножки, которые умели так ловко стоять на пуантах, вся его жизнь будет посвящена ей. И смерть – тоже: когда из заброшенной шахты в Алпатъевске поднимут его мертвое изувеченное тело, в окоченевшей руке найдут стиснутый медальон с прядкой темных волос и надписью «Маля».

М.К. рассказывала мне об этом, заливаясь слезами. Она чувствовала свою вину перед Сергеем Михайловичем, и все-таки в ее сердце он всегда был на втором месте – сначала после императора, а потом после Андрея Владимировича!

Бургундия, Муля, наши дни

Алене повезло – антиквар не уехал.

Около бывшего *maison bleue* стоял серый фургон – совершенно такой же, как в знаменитом фильме об антикваре Луи. А вот сам мсье Маршан выглядел не слишком типично – не пожилой толстяк, а худой, загорелый, лет тридцати пяти, в защитного цвета бриджах, такой же футболке и ботинках. Стиль милитари, так сказать.

– Слышал, что мсье Детур совершенно преобразил родовое гнездо, но чтобы до такой степени, – проговорил Маршан, поздоровавшись с Аленой. – Все покойные Барон и Детур должны дружным хором воспеть ему хвалу на небесах. Сразу видно, что человек умеет ценить старину!

– Да и вы тоже. – Алена кивнула в сторону его допотопного фургона. – Впрочем, понимаю, профессия обязывает.

– Обязывает не столько профессия, сколько наследство, – ухмыльнулся Маршан. – Вообще-то мое хобби – слесарное ремесло. Этот фургон и склад достались мне от отца. К делам я постепенно пристрастился, а фургон незаменим, когда отправляешься на броканты и к клиентам. Никогда не знаешь, что тебя ждет! Я слышал, чердак мсье Детура – истинная сокровищница. Именно поэтому он купил у меня замок с секретом. Возможно, я найду еще что-нибудь интересное, не только картины. Вы позволите посмотреть?

Алена несколько растерялась. Чужой дом, чужие вещи...

– Может быть, вы сначала позвоните мсье Детуру? – с извиняющейся улыбкой спросила она. – Понимаете, ведь хозяин он, а я только его представитель...

Маршан окинул внимательным взглядом ее майку, шорты, а также все, что под ними помещалось, перевел взгляд на физиономию нашей героини (весьма заслуживающую внимания, смеем заметить) – и несколько сдавленным голосом согласился, что да, позвонить хозяйину, конечно, необходимо.

Он быстро переговорил с Морисом и сообщил, что ему разрешено отобрать и поставить в сторонку все, что его заинтересует в дополнение к картинам, а о цене они договорятся потом.

– Что ж, пойдете. – Алена прихватила с подзеркальника ключ от чердака.

Она поднималась по лестнице первой и остро ощущала, что Маршан не сводит глаз с ее голых ног. На пробежку Алена отправилась в шортах и сейчас, конечно, не успела переодеться. Что ж, стыдиться собственных ног ей не приходилось. «А видел бы ты меня в колготках в сеточку и в танго-туфлях на шпильках!» – улыбнулась она про себя. Столь несерьезные

¹⁷ *Tant pis* – тем хуже (франц.).

мысли не помешали ей вполне деловито открыть дверь (алгоритм процесса прочно впечатался в память) и пропустить Маршана на чердак.

– Вижу, с моим замком вы успели освоиться! – одобрительно кивнул он. – Я горжусь этими замками.

– Скажите, а у той старой дамы, что живет на самом выезде из Муляна, если ехать во Френ, тоже замок вашей работы? На ключе стоит X, тире, Z – правильно? Или это X, тире и двойка?

– X тире Z, – с несколько озадаченным видом проговорил Маршан. – А вам откуда это известно, позвольте спросить?

Глаза его подозрительно сузились, и Алена во избежание недоразумений схематично набросала недавнюю сцену: вот она идет, вот лежит старушка, вот она поднимает старушку и видит ключ на цепочке, вот появляется внук по имени Жак и уносит бабулю в дом, а Алена спешит на встречу с Маршаном.

– Понятно, – кивнул он с улыбкой. – Теперь все понятно.

– Что значат все эти буквы? – полюбопытствовала Алена.

Маршан усмехнулся:

– Эту тайну знаю только я. И хозяин замка!

– А если секретный ключ потеряется, что делать? – не унималась Алена.

– У меня есть дубликаты, – пожал плечами Маршан – и тут же нахмурился не без досады.

«Иначе говоря, вы можете проникнуть куда угодно, хоть бы и на этот чердак, без ведома хозяев?» – предположила писательница-детективщица, однако вслух ничего не произнесла. Напротив, придала лицу самое безмятежное выражение, и нахмуренные брови Маршана разошлись.

Видимо, он решил, что его обмолвка осталась незамеченной.

Есть такой университетский анекдот. Профессор читает лекцию будущим филологам: «Существуют языки, в которых двойное отрицание означает согласие. В некоторых языках оно так и остается отрицанием. Но нет ни одного языка в мире, где бы двойное согласие обозначало отрицание». Раздается голос с последней парты: «Ага, конечно!»

Вот именно так подумала сейчас Алена Дмитриева, дама с филологическим, между прочим, образованием, которая практически ничего вокруг не оставляла без внимания.

Маршан заглянул на чердак, но тут же отступил:

– Темновато здесь. Минуточку, я спущусь, принесу фонари.

И затопал вниз по ступенькам.

– Если бы на ключе стоял не Y, игрек, а четверка, все было бы ясно, – пробормотала Алена по-русски, разглядывая ключ от чердака. – Но при чем здесь игрек?

Задумчиво хмурясь, она включила свет и открыла верхнее окно, но и после этого намного светлее не стало, так что два мощных софита на треногах, которые притащил Маршан, оказались весьма кстати. Когда антиквар поднялся на чердак, Алена его даже не сразу узнала: теперь на нем был матерчатый серый комбинезон, а на шее болталась маска-респиратор.

– Мой отец всю жизнь страдал астмой, – сказал он, увидев ее изумленные глаза. – Это профессиональное. Антикварам приходится вдыхать столько пыли, что мало кому удается не заболеть. Надо беречься. Кстати, если будете наводить здесь порядок, рекомендую надевать перчатки и защищать рот и нос.

Алена кивнула и чихнула. Стоило вспомнить, что вчера она рассматривала чердак без перчаток, не защитив ни рот, ни нос, как немедленно дали о себе знать первые симптомы астмы, а может, даже туберкулеза.

– Сначала я вынесу эти картины, а потом посмотрю остальное, – сказал Маршан и, надев респиратор, принялся выставлять полотна в коридор.

Алена спустилась. Было как-то неловко оставаться на чердаке. Во-первых, в носу все время чешется от пыли, а во-вторых, Маршан может подумать, что она за ним следит – боится, чтобы он чего-нибудь не стащил.

Между прочим, сделать это очень просто. Вряд ли Морис с Мариной когда-нибудь углублялись в эти дебри и точно знают, какие здесь таятся сокровища.

С другой стороны, сундук или даже сломанную прялку незаметно не утащить. А бриллианты, которые можно вынести в кармане, вряд ли рассованы по старым сундукам. Хотя кто знает...

Ничего, Алена посидит внизу, в гостиной, выпьет кофе, о котором забыла утром, включит ноут, поищет, кстати, кое-что в Интернете. С одной стороны, она не следит за Маршаном, а с другой – присматривает, что он будет выносить.

Но осуществить маневр не удалось. У антиквара зазвонил телефон, и, судя по обрывкам фраз, долетавших до Алены, ему понадобилось срочно уезжать.

– Это из жандармерии звонили, – пояснил он, сбегая по лестнице с двумя картинами в руках. – Кто-то пытался взломать один из моих складов. Придется уехать, так что исследование чердака оставим на потом. Когда приедет Детур?

Алена пожала плечами:

– Он говорил о двух-трех днях.

– Что ж, – глаза Маршана как-то слишком ярко сверкнули за стеклами очков, – возможно, я найду время появиться еще до его приезда. Скорее всего, уже завтра. Хотя нет, завтра суббота, нужно быть на броканте в Нуайере... А вы интересуетесь антиквариатом?

– Чисто платонически, – усмехнулась Алена. – Я никакой не знаток. Но броканты мне нравятся.

– Буду очень рад увидеть вас в Нуайере, мадам, – поклонился Маршан. – Не исключено, что я выставлю там и эти картины. В любом случае я еще приеду в Мулян. Софиты, с вашего позволения, пока оставлю, сейчас некогда возиться. До встречи!

Он мгновение подождал, словно надеясь, что Алена подаст ему руку на прощание или вообще облобызается по французскому обычаю.

Возможно, в этом что-то есть – пожимать пыльную перчатку или целовать полуснятый респиратор, но Алену такая экзотика не привлекала. Поэтому она только неопределенно улыбнулась Маршану и простилась сугубо в устной форме.

Броневик отчалил, увозя антиквара, так и не снявшего свой защитный комбинезон, а Алена принялась за кофе, попутно размышляя, что могло означать сверкание глаз гостя, когда он высказал намерение появиться здесь до возвращения хозяев. Надеялся все же стырить что-то с чердака в их отсутствие или радовался новой встрече наедине с длинноногой Аленой Дмитриевой? Вдобавок ко всему ее заинтересовал такой вопрос: если антиквар приехал из Дижона (а Морис упоминал, что он оттуда), почему о попытке взломать склад ему сообщает не городская полиция, а сельская жандармерия?

Ответить на второй вопрос было просто: очевидно, у мсье Маршана склады не только в Дижоне, но и в сельской местности. И это всего вероятней. Из Дижона в эти места не больно-то наездишься – все-таки около полутора сотен километров. Наверняка неведомые злоумышленники пытались взломать именно сельский склад.

А искать ответ на первый вопрос наша героиня не стала – прежде всего потому, что мсье Маршан отнюдь не зажег огонь в ее ветреном сердце, несмотря на то, что был именно шатеном умеренных тонов.

Наконец она допила кофе и решила снова забраться на чердак. Есть смысл рассмотреть там все не торопясь. Просто так, на всякий случай. Чтобы, скажем, не думалось лишнего при следующем визите шустрого антиквара. Однако стоит последовать его совету и повязать что-то на голову – защитить дыхательные, так сказать, пути.

Для начала Алена поднялась в спальню, покопалась в платяном шкафу, где обнаружила немало Марининых одежек, давно сосланных в Мулян за ненадобностью. Вот эти шароварчики и рубашка с длинным рукавом вполне сгодятся в качестве спецодежды. Нашлась и незамысловатая косынка, которой можно прикрыть и волосы, и лицо.

Алена переделалась и начала убирать в шкаф свои майку и шорты, как вдруг из кармана выпала та самая бумажка, которую ей так конспиративно сунула пожилая мадам и о которой наша героиня совершенно забыла.

Конечно, читать чужие письма неэтично. Но, с другой стороны, это письмо ей было вручено чуть ли не насильно. И она вполне имеет право знать, что там. Все-таки любопытство – профессиональное качество всякой писательницы-детективщицы. И если бы дама хотела, чтобы никто не совал нос в ее тайны, она могла бы не отдавать письмо, правда же?

Алена развернула скомканную бумажку – и поняла, что мадам могла быть совершенно спокойна. Сунуть нос в ее тайны оказалось затруднительно.

Для начала озадачивал сам листок. Впечатление такое, что он пролежал в каком-нибудь антикварном бюро много лет, такой у него был древний вид и запах – запах засушенного цветка, который хранили между книжными страницами. Текст был отпечатан на пишущей машинке. Алена в свои юные писательские годы успела поработать на печатных машинках, поэтому сразу поняла, что принтер, который каждую букву чеканит одинаково, здесь и рядом не стоял. Когда бьешь по клавишам машинки, да еще если лента выцвела, текст не всегда получается одинаково четким. Вдобавок отдельные буквы у машинок имеют привычку западать. Вот здесь, к примеру, западали *i* и *w*, по ним приходилось бить дважды или трижды, оттого они пропечатывались отчетливее, чем прочие. Да, машинка была боевая и заслуженная!

Вот что было напечатано на пожелтевшем от времени листке:

*«Mxspv, ivmwh-nlr gf hzrh glr-n3nv jflr zezmg jfv xv hlrq gziw. Fm xsvezo
«tirh». Ov tzfxsv vhg klhg2irvfi. Qv fv wlmnv gilrh qjfi. 4kivh qv gv gfv».*

У Алены зарябило в глазах, голова закружилась. А ведь ее собеседница отлично поняла эту абракадабру, несмотря на то, что это не французский язык. И не английский, не немецкий, не испанский, не итальянский. И никакой из славянских. Даже в языках финно-угорской группы не бывает такого бестолкового сочетания согласных. Да и не производила бабуля угрюмого Жака впечатления полиглотки, поднаторевшей в венгерском, финском, эстонском, ханты-мансийском, мокши-мордовском, а также эрзя-мордовском, удмуртском и какие там еще языки относятся к финно-угорской группе. Коми-пермяцкий и коми-зырянский, кажется? Тоже не производила!

Значит, это шифр. Криптограмма! Скрытокучница.

Алена внезапно расхохоталась, вспомнив, что на свете существует вид папоротника, который именно так и называется – «криптограмма» по-латыни или «скрытокучница» по-русски. Голова нашей героини была набита всевозможными сведениями, нужными и ненужными, которые иногда вдруг начинали вылезать наружу, совершенно как знаменитые иголки и булавки Страшилы Мудрого.

Однако она отвлеклась.

Итак, шифр. Причем хорошо знакомый пожилой мадам – настолько хорошо, что она мгновенно прочитала записку. Определенно прочитала, потому что поняла, что речь там идет о какой-то серой лошади и о каком-то Рицци.

Конечно, читать чужие письма неэтично. Но уже никакая этика не могла сдержать любопытство Алены Дмитриевой. Все-таки не зря она писала детективы. Страсть к разгадыванию всевозможных загадок была ее второй натурой, и ничего удивительного, что она так и впилась глазами в эту тарабарщину, а все колесики и винтики в ее голове закрутились с повышенной скоростью.

За исходный язык записки Алена решила принять французский – все-таки ее соседка была француженкой. Самая частотная буква в этом языке – «е». Алена когда-то читала, что доля «е» во французских текстах составляет почти восемнадцать процентов. А в английском, к примеру, только около тринадцати, хотя великий Эдгар По тоже делал упор именно на «е», когда заставлял своего Леграна разгадывать загадку золотого жука. У Алены при ее гениальной рассеянности всегда была великолепная память на то, что поражало ее воображение, а «Золотой жук» в свое время действительно ее поразил, так что она мигом вспомнила расшифровку таинственной записки из этого рассказа: «Хорошее стекло в трактире епископа на чертовом стуле двадцать один градус и тринадцать минут северо-северо-восток главный сук седьмая ветвь восточная сторона стреляй из левого глаза мертвой головы прямая от дерева через выстрел на пятьдесят футов».

Алена снова расхохоталась. Молодец, Легран, такую жуть расшифровал! А чем хуже Алена Дмитриева? И она свою шифровку прочитает. Вдруг и в ней указана дорога к кладу? Хотя нет, на это мало шансов: мадам вряд ли отдала бы такую драгоценную бумагу случайной русской. С другой стороны, она, конечно, не сомневалась, что эту абракадабру никто не прочтет. Но ведь общеизвестно: что один человек смастерил, другой всегда изломать сможет. Применительно к нашей ситуации – что один зашифровал, другой всегда расшифрует!

Алена выхватила из сумки блокнот, ручку и написала на листке в столбик весь французский алфавит от А до Z. Потом внимательней присмотрелась к тексту. Чаще всего в нем встречалась буква v – целых четырнадцать раз. Предположим, это и есть E. Алена написала на листке напротив E – V, любовалась своей работой и продолжила расшифровку. Теперь текст выглядел так:

«MxspE, iEmwh-nlr gf hzrh glr-n3nE jflr zezmg jfE xE hlrq gziw. Fm xsEezo
«tirh». OE tzfxsE Ehg klhg2irEfi. QE fE wlmmE gürh qjfi. Zki1h qE gE gfE».

Яснее, понятно, не стало, но Алена не отчаивалась. Она вспомнила, что пожилая дама упомянула о серой лошади. По-французски это *cheval gris*. Поскольку слово *cheval* мужского рода, при нем должен быть неопределенный артикль *un* или определенный *le*. Во французском без артикля шагу не ступишь!

Алена поискала в тексте сочетание трех слов, в котором первое состояло бы из двух букв, второе – из шести, третье – из четырех, и нашла его довольно быстро: «Fm xsEezo «tirh». Во втором слове уже разгаданная буква E стоит именно там, где должна стоять E в слове *cheval*. В первом слове ее нет, значит, это неопределенный артикль *un*. Предположим – только предположим на минуточку, – что Алена угадала. Тогда F – это U, M – N, X – C, S – H, E – V, Z – A, O – L, T – G, I – R, R – I, H – S.

Алена быстренько пополнила свой алфавит. Теперь он выглядел так: A=Z, B, C=X, D, E=V, F, G=T, H=S, I=R, J, K, L, M, N=M, O=L, P, Q, R=I, S=H, T, U=F, V=E, W, X, Y, Z.

Загадочно, почему автор письма взял слово «серый» в кавычки? Конь не вполне серый? Или, может быть, у этого человека такое представление о грамотности? Люди иногда так пишут, что хочется подарить им орфографический словарь, – уж Алене-то Дмитриевой, великой пуристке во всем, что касалось русского языка, этого ли не знать! Но если некоторые упорно пишут по-русски «не» с глаголами слитно, почему нельзя во французском брать прилагательные в кавычки?

Ладно, это сейчас можно оставить.

Забавно, подумала Алена, что первая буква A обозначается как последняя Z, третья C – как третья с конца X, пятая E – как пятая с конца V... Странные совпадения. Или как раз не странные, а закономерные, и это самый обыкновенный шрифт-перевертыш, когда первая буква переименовывается в последнюю и наоборот, а дальше все идет по тому же принципу?

Алена составила еще один алфавит, буквы в котором шли в обратном порядке: А – Z, В – Y, С – X, D – W, E – V, F – U, G – T, H – S и так далее. Через несколько минут загадочная записка приняла такой вид:

«Odile, rends-moi tu sais toi-même quoi avant que ce soit trop tard. Un cheval «gris». Le gauche est postérieur. Je te donne trois jours. Après je te tue».

Значит, пожилую мадам зовут Одиль? Красивое имя. Правда, изрядно устарело. Впрочем, под стать хозяйке.

Цифры, как догадалась Алена, обозначают буквы под диакритическими – надстрочными, попросту говоря, – знаками: 3 – это ê, а 2 – é.

Наша многоумная героиня вздохнула довольно и разочарованно. Довольно – потому что так быстро разгадала шифр, разочарованно – потому что разгадала шифр так быстро. С другой стороны, проще этого шифра может быть только цифровой, когда буквы обозначаются порядковыми номерами: А – 1, В – 2, С – 3 и так далее. Или обратный цифровой, когда нумерация идет с конца к началу: Z – 1, Y – 2, X – 3, W – 4...

Какая-то мысль мелькнула, какая-то мысль, но, как водится у случайных мыслей, немедленно удалась. Алена не стала ее догонять, пожала плечами и наконец вникла в содержание записки.

Она гласила:

«Одиль, верни сама знаешь что, пока не поздно. «Серый» конь. Левый задний. Даю три дня. Потом убью».

Да... Прочитав такую записочку, в самом деле ничего не стоит грохнуть без чувств.

А что такое «руэн»? Этого слова в записке нет, но ведь дама говорила: «Тот серый конь руэн давно сторел». Наверное, имя коня. Вернее, кличка.

Вопрос – у лошадей имена или клички?

Ладно, это тоже оставим.

И что такое левый задний?

Нет, это тоже не важно. Самое главное в этом спокойном обещании: *«Потом убью».*

Из «Воспоминаний об М.К.»

М.К. страшно жалела, что утратила столь многое, когда они с великим князем Андреем Владимировичем и Вовб бежали из России. Сокрушалась о драгоценностях, которые получала в подарок (об этом я еще расскажу), но больше всего горевала о своих дневниках, о письмах цесаревича и его милых записочках. М.К. пыталась воскресить события, создавая новый дневник по памяти, но прекрасно понимала, что не может доверить бумаге воспоминания, которые выставили бы императора не в том виде, в каком его желают лицезреть подданные.

Но мне М.К. рассказывала историю их с цесаревичем любви как эротический роман – вроде тех, что писала Анастасия Вербицкая, сочинениями которой в начале века зачитывалась вся Россия, тайно или явно.

Конечно-конечно, М.К. старалась соблюдать пиетет по отношению к бывшему возлюбленному, но частенько сбивалась на живую, пусть и не вполне приличную в глазах ханжей жизнь!

Итак, после первого знакомства на выпускном спектакле в Императорском училище Маля влюбилась в цесаревича, да и он, очевидно, ею заинтересовался. Его к ней влекло, но, главное, он чувствовал, что это будет вполне приличная связь, не то что с какой-нибудь цыганкой из числа тех, что танцевали перед гусарами в Красном Селе и задирали перед ними юбки, позволяя увидеть то, что у приличных женщин скрыто.

Вообще, надо сказать, жили гусары – а с ними и молодой цесаревич – чрезвычайно весело. Он сам показывал М.К. свои дневниковые записи.

«Вчера выпили 125 бутылок шампанского. Был дежурным по дивизии. В час выступил с эскадром на военном поле. В пять был смотр военным училищам под проливным дождем...

Тяжелый день после разгульной ночи, но лишь вечер – снова ковшик шевелится... Проснулся – во рту будто эскадрон ночевал».

Гусары пили в самом деле крепко – то поставив рюмку на отставленный локоть и приняв содержимое залпом, то расставив по лестнице рюмки и бокалы – и начиная восхождение от сосуда к сосуду. Не всякому удавалось добраться до верхней ступеньки, многие падали мертвецки пьяными уже на середине лестницы. Зимой веселились с особенной изобретательностью: раздевались донага и выскакивали на лютый мороз, а в это время буфетчик выносил лохань с шампанским, откуда господа гусары хлебали все вместе и выли при этом по-волчьи. Это называлось «допиться до волков».

Надо сказать, после знакомства с хорошенькой балериной К. мысли цесаревича все чаще обращались от утех Бахуса к забавам Эроса. Но встречались они разве что случайно на гуляньях и на балах и обменивались страстными взглядами. Дальше дело не шло, и не только Мале, но и самому Ники порой казалось, что все закончится не начавшись.

Великий князь Сергей Михайлович потом рассказывал М.К., что нерешительность цесаревича доводила его до бешенства. Ники советовался с друзьями, как ему быть с хорошенькой балериной. Ничего он так не желал, как сделать ее своей любовницей, но не мог одолеть робости. Сергей Михайлович с трудом сдерживался, чтобы не выказать племяннику презрение. Уж он-то знал бы, что делать, окажись наедине с этой очаровательной девушкой, в которую влюбился с первого взгляда на том выпускном спектакле!

Но знал он, увы, и о том, что инициатива знакомства с К. исходила от императора и его жены, а отец никогда не простит Сергею, если тот хоть в чем-то вызовет недовольство государя. Но дело даже не в этом. Главное – девушка! Ей уже нравится Ники. Она уже ослеплена своим будущим, она уже летит на него, как бабочка на огонь, лелея самые радужные мечты. Что ж, tant pis!

– Ты пытался встретиться с ней? – с видимым безразличием спросил он однажды цесаревича.

Ники пожал плечами.

«Дурак», – подумал Сергей Михайлович, но вслух ничего не сказал – только тоже пожал плечами.

– Нет, но где мне было найти возможность? – пробормотал Ники, словно оправдываясь. – Если я вдруг приду в театр и захочу с ней увидеться, я ее скомпрометирую!

– Ники, ты ошибаешься, – хихикнул его ближайший приятель, тоже гусар Евгений Волков, у которого был роман с молодой балериной Татьяной Николаевой. – Таня говорила: весь театральный мир совершенно уверен, что К. – уже твоя любовница. Она сейчас уже получила роль, да с кем – с самим Николаем Легатом, опытным артистом, о ней наперебой пишут газеты. Клянусь, если люди узнают, что ты ее даже пальцем не тронул, это скомпрометирует ее сильнее, чем самое отъявленное и громкое распутство!

Однако, по собственному признанию наследника, которое он сделал потом М.К., он боялся неопытности – и своей, и ее неопытности. Он только и умеет, что целовать и трогать женские грудки. Но, может быть, с этого стоит начать, а дальше само как-нибудь пойдет? Но где им встретиться наедине?

И тогда Волков напомнил о Красносельском театре.

В Красном Селе, в двадцати четырех верстах от Санкт-Петербурга по Балтийской железной дороге, с давних пор проходили летние лагерные сборы для практической стрельбы и маневров. В 1860-е годы там был построен деревянный театр для развлечения офицеров. В течение июля и первой половины августа дважды в неделю давали спектакли. Ставилась какая-нибудь веселая пьеса и балетный дивертисмент.

По окончании училища М.К. была зачислена в балетную труппу Императорских театров и должна была принимать участие в красносельских спектаклях.

Ники появился в театре в первый же день. Он приходил за кулисы и болтал с Малей. В первом сезоне ей не назначили ни одного сольного выступления, а значит, отдельной уборной ей пока не полагалось. Они снова и снова переглядывались, говорили недомолвками, старались украдкой прикоснуться друг к другу...

Как-то раз Евгений Волков, понаблюдав за их переглядками, шепотом выругался, а потом перехватил за кулисами директора Императорских театров Всеволожского и с приятной улыбкой отвел его в сторону.

Через час танцовщице К. объявили, что в завтрашнем спектакле ей придется исполнять сольный танец – все то же очаровательное па-де-де из «Тщетной предосторожности», а потому на завтра ей будет выделена отдельная уборная в первом этаже с окнами, выходящими в сад.

На следующий день задолго до начала спектакля Маля уже была в своей уборной – нужно было заранее причесаться и одеться. Вскоре она увидела, как к ней по дорожке идут великие князья Сергей и Александр Михайловичи, гусар Волков, брат цесаревича Георгий Александрович, а главное – сам Ники.

Какое-то время длился общий разговор, пили чай, а после Волков напомнил великим князьям, что они должны отправиться встречать императора. Молодые люди поднялись. Мале показалось, что красивое лицо Сергея Михайловича необычайно помрачнело, но до великого князя и его лица ей не было сейчас никакого дела. Для нее существовал только Ники.

Господа ушли.

– В это окно дует, – вдруг сказал Ники. – Я его закрою.

Мале не дуло, но она кивнула. Сердце заколотилось с неистовой силой, особенно когда она увидела, что Ники не только закрыл окно, но и задернул шторы.

– Запирается ли эта дверь? – спросил он, не глядя на Малу.

Она повернула ключ и стала перед дверью, опустив глаза.

– Сядь здесь, – серьезно сказал Ники, опускаясь на маленький диванчик.

Маля села, вся дрожа.

Театр, где готовилось представление, был полон звуков. За дверью кто-то пробегал, кто-то кричал, что-то с грохотом тащили...

«Лучше бы мы пошли в лес, – подумала Маля. – В лесу так тихо, а здесь постоянно кто-то шумит!»

Впрочем, судя по сосредоточенному лицу Ники, не похоже было, что ему мешает шум.

Он держал Малу за руку и смотрел на ее грудь. Внезапно Ники припал губами к ее шее.

Она ахнула и замерла.

«У меня будет синяк! – подумала она испуганно и тут же мысленно махнула рукой: – А, не важно! Замажу гримом!»

Губы Ники скользнули вверх, к подбородку, и наконец добрались до ее пересохших от волнения губ.

– Ты хочешь пить? – пробормотал он как во сне.

Маля как во сне покачала головой.

– Ты хочешь целоваться? – Голос у него был суров и наивен сразу.

– Да! – выдохнула Маля в его губы, и те приоткрылись. Ники взялся обеими руками за ее щеки и принялся целовать неторопливо и легко, как бы знакомясь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.